Путь практика

Книга вторая

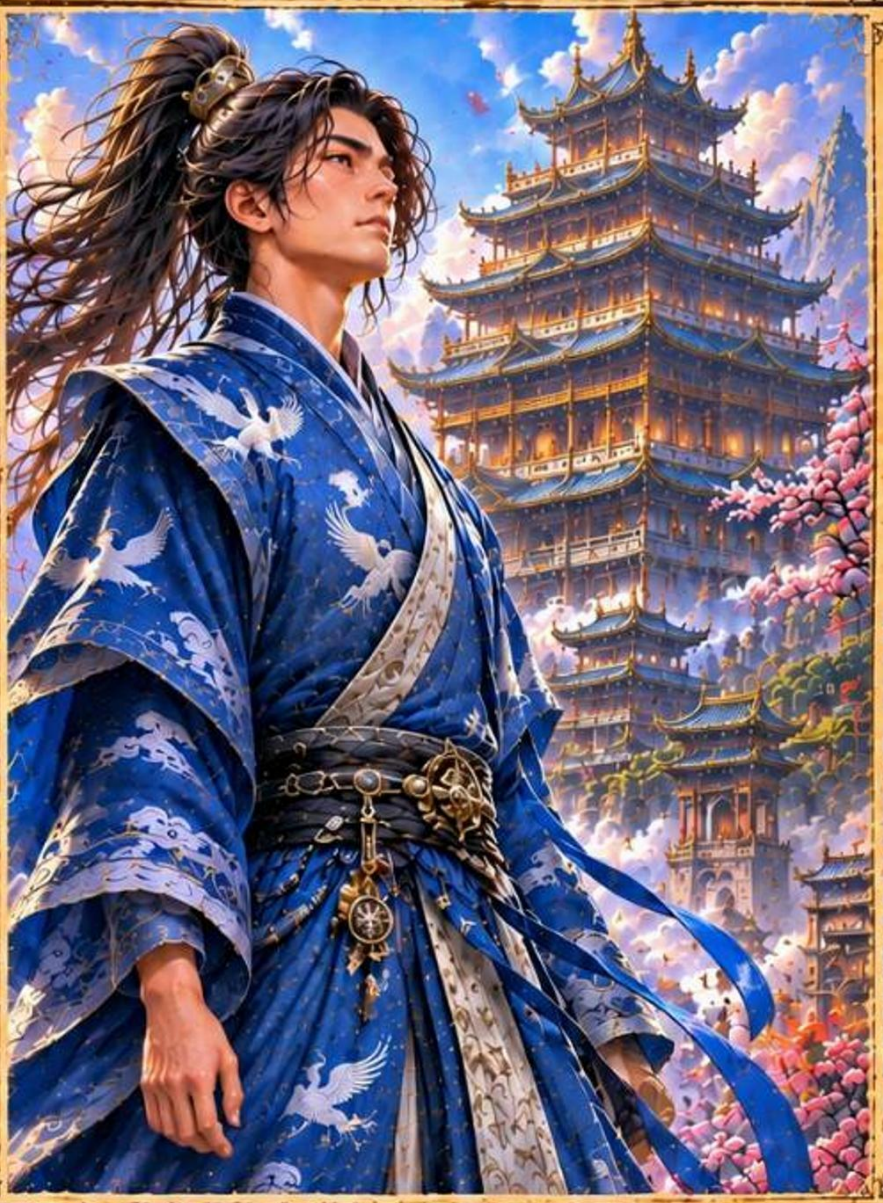
Распродажа пилюль востановления в городе Высоких Стен

Вторая неделя идёт распродажа простых пилюль простыковления.

Граждане просят учеников покупать...

Читать подробнее

Пятерых старейшин секты Парящих Журавлей выгнали из секты...

молодой новый старейшина выгнал всех стариков из своей секты...

Читать подробнее

Секта Громового Клинка вступает в сражение против секты Теней Ветра

после вероломного нападения на учеников, секта Громового Клинка решает дать теням отпор, и вступает...

Читать подробнее

Хитрый Даос

Хитрый Даос

Путь практика. Книга вторая

«Автор»
2026

Даос Х.

Путь практика. Книга вторая / Х. Даос — «Автор», 2026

Вэй Кан, амбициозный практик, оказывается в городе Высоких Стен, где сталкивается с суровой реальностью: чтобы выжить и развиваться, недостаточно махать мечом. Теперь ему и другим ученикам приходится осваивать торговлю — на улицах города идет бойкая распродажа «пилюль для восстановления». Это не героические подвиги, а жесткая необходимость, ведь ресурсы нужны для культивации.Параллельно с этим в секте Парящих Журавлей произошел переворот: он, как новый лидер, изгнал всех старых старейшин, лишив обитель вековой мудрости и опыта. Эта нестабильность не остается незамеченной. Вэй Кан оказывается в самом центре надвигающегося конфликта. Пока сильнейшие мира сего выясняют отношения, ему предстоит найти свое место в этой иерархии. Сможет ли он укрепить собственные силы и не стать пешкой в чужой игре? Ему предстоит проявить настоящую хитрость, чтобы выжить в войне, которая вот-вот охватит весь регион. Это история о развитии, трудном выборе и пути, где ум ценится не меньше, чем сила.

© Даос Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Артефакт и полет в закрытые 5
Глава вторая. 11
Глава третья. Подземный колодец 17
Глава четвертая. Техника обители и аукцион 23
Глава пятая. Аукцион и диск 29
Глава шестая. Город Небесного Озера 36
Глава седьмая. Ядра и мечи 43
Глава восьмая. Морской дракон 51
Глава девятая. Аукцион 58
Глава десятая. Новый старейшина секты 66
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Хитрый Даос
Путь практика. Книга вторая

Глава первая. Артефакт и полет в закрытые земли

Пик Высокого Лотоса:

Меч нёс меня сквозь облака, будто тонкая серебряная нить, протянутая между небом и землёй.

Внизу тянулись зелёные долины, изрезанные блестящими реками. Дальше поднимались хребты — тёмные, величавые, покрытые лесами, которые издали казались шёлковым покровом, наброшенным на плечи гор. Ветер бил в лицо, пах сосной, мокрым камнем и далёким снегом. Я летел туда, где когда-то была моя жизнь.

К Пику Высокого Лотоса.

Когда гора показалась впереди, я невольно сбавил скорость. Когда-то она поднималась к небу, как раскрытый цветок: гладкие склоны, террасы древнего камня, водопады, падавшие с высоты белыми лентами, и облака, обвивавшие вершину, словно благовонный дым. Теперь от той красоты остались лишь раны.

Пик был разрушен.

Склоны рассекали глубокие рытвины, будто кто-то когтями исполина располосовал гору от подножия до вершины. Обломки скал лежали среди поваленных деревьев. Там, где раньше шумели ручьи, остались сухие русла. Даже облака, подходившие к вершине, словно колебались, не решаясь коснуться израненного камня.

Но я знал: глубоко под этими руинами ещё дышала старая пещера.

Там лежал мой артефакт. Он ждал меня тысячи лет.

Я опустился у подножия разрушенной вершины и долго стоял, глядя на гору. Ветер шевелил траву между камнями. Где-то высоко кричала птица, и звук её голоса прокатился по пустым склонам, растворившись в облаках.

«Я вернулся», — подумал я.

Путь сквозь камень:

Вход, которым я пользовался в прошлой жизни, давно исчез. Вместо него остались завалы, трещины и обрушенные своды. Но память духа не обманешь: я помнил скрытые ходы, узкие расщелины, пути, по которым когда-то сам мог пройти лишь в тонком духовном теле.

Тогда я летал вокруг Пика Высокого Лотоса и знал его, как знают собственную ладонь.

Теперь у меня было тело. Низкий уровень Ядра. Я был слаб по сравнению с прежними силы. Но была надежда, что все получится.

Я нашёл узкую трещину между двумя огромными камнями и начал протискиваться внутрь.

Камень холодил кожу. Пыль оседала на одежде. В некоторых местах проход был настолько тесен, что приходилось ползти, прижимаясь грудью к влажной породе. Осколки камня царапали руки, а воздух пах сыростью, мхом и древней землёй.

Местами я полз согнувшись. Иногда — на корточках.

А местами туннель внезапно расширялся, и я мог выпрямиться в полный рост. Тогда передо мной открывались тёмные коридоры, уходившие вглубь горы. По их стенам блестели капли влаги. Где-то далеко капала вода — медленно, размеренно, словно гора отсчитывала тысячелетия.

Я шёл всё глубже.

Чем ближе я подходил к пещере, тем сильнее становилось знакомое тепло. Оно шло из-за толщи камня, тонкое, но родное. Артефакт чувствовал меня.

И я чувствовал его.

На пути встречались ловушки. Большинство давно умолкло. Время разрушило их основы, выжгло энергии, рассыпало формации в бесполезные узоры на камне. Но некоторые ещё жили.

Я остановился перед первым коридором и увидел едва заметное мерцание в воздухе. Тонкие нити ци висели между стенами, невидимые для обычного глаза. Стоило коснуться их — и формация разбудила бы остатки древней силы.

Когда-то я сам создал эту ловушку. Тогда она могла остановить практика уровня Зародыша.

Теперь даже ослабленная, она была опасна для моего нынешнего тела.

Но я помнил безопасную полосу у левой стены. Помнил, где нужно сделать шаг, где — задержать дыхание, где — провести ладонью по особому камню, чтобы обмануть чувствующую формацию.

Я прошёл первую ловушку. Потом вторую.

Третья заставила меня остановиться надолго: часть её узора изменилась после обвала. Пришлось вспоминать, сопоставлять, искать трещину в рисунке энергии. Наконец я нашёл её — тонкий разрыв в цепи символов — и скользнул мимо, едва касаясь стены.

Так, шаг за шагом, я приближался к сердцу горы.

Печать у пещеры:

Наконец впереди показался знакомый поворот. За ним лежала моя пещера.

Она была скрыта глубоко в недрах Пика Высокого Лотоса, там, куда не добирались ни дождь, ни солнечный свет, ни чужие глаза. Своды её частично обвалились, но основа уцелела. Каменные стены держались. Воздух внутри был плотным, прохладным, насыщенным ци.

Перед входом стояла печать. Моя печать.

Когда-то я заложил её на уровне Зародыша, вложив в формацию огромную силу. Она должна была защищать пещеру от любых незваных гостей. Если бы печать сохранилась полностью, я никогда не смог бы войти.

Но тысячелетия сделали своё дело. От прежней мощи осталась лишь тысячная доля. И всё же даже эта тысячная доля была для меня серьёзной преградой.

Я сел перед печатью в позу лотоса.

Камень подо мной был холодным, но из глубины горы поднималось тепло. Здесь, выше середины Пика Высокого Лотоса, ци земли и неба соединялись в тихий, мощный поток. Энергии было вдоволь. Я стал впитывать её, направлять в меридианы, а затем — в трещины печати.

Сначала печать лишь слабо дрожала.

Я продолжал. Час за часом. День за днём.

Я направлял ци в самые тонкие трещины, расширял их, расшатывал древние символы, разрушал связи между узорами. Печать сопротивлялась. Она была создана моей прежней рукой, пропитана моей прежней волей, и, кажется, даже после стольких лет не хотела признавать во мне хозяина.

Прошло почти пять дней, а печать всё еще держалась.

Я начал тревожиться.

«Неужели весь путь был напрасным? — думал я. — Неужели мне придётся уйти ни с чем и вернуться лишь тогда, когда я стану сильнее?»

Но отступать не хотелось.

Впереди меня ждала долина древних пагод — место, отмеченное на карте, полученной после победы на турнире Пяти Сект. Там могли сохраниться нетронутые обители бессмертных. И именно артефакт-ключ давал мне возможность открыть их двери.

Без него весь риск был бы напрасным. Я стиснул зубы и продолжил.

Ещё четыре дня я сидел перед печатью, вгоняя в неё ци, будто пытался раскачать старое дерево, готовое упасть. Трещины становились глубже. Символы тускнели. Печать держалась на последнем издыхании.

И тогда я вложил в удар всё, что мог. Ци рванулась вперёд. Раздался громкий треск — словно лопнуло огромное полотно стекла.

Звук прокатился по пещере, по коридорам, по всем скрытым ходам горы. Пик Высокого Лотоса зазвенел. Эхо поднялось к вершине, вырвалось наружу и разнеслось над склонами.

Птицы, гнездившиеся на разрушенных пиках, с криками взметнулись в небо и разлетелись во все стороны.

Несколько мгновений гора звонила. Потом звон постепенно угас. Облака снова сомкнулись над вершиной. Птицы, успокоившись, начали возвращаться к гнёздам.

А передо мной лежала открытая пещера.

Возвращение домой:

Я вошёл внутрь.

Впервые за несколько тысячелетий — живым. Внутри царил разгром.

Старые шкафы были опрокинуты и заросли мхом. Каменные полки раскрошились. Горшки, корзины, сосуды, некогда стоявшие в строгом порядке, лежали разбитыми среди пыли и обломков. Всё, что когда-то составляло моё жилище, было сметено взрывом, разорвавшим моё тело и распылившим меня на атомы в момент перехода на уровень Вопрошания.

Под ногами хрустели камни, куски дерева, сухие стебли.

Между трещинами в полу пробилась трава. Семена заносило сюда ветром через расщелины, и за тысячелетия они проросли даже там, где, казалось, не должно было быть ничего живого.

Я шёл медленно. Каждый шаг отдавался в памяти. Вот место, где я когда-то хранил травы. Вот ниша, где лежали нефритовые таблички с техниками.

Вот угол, где я медитировал в самом начале. А вот и он, мой артефакт, лежал в углу. Где я его и помнил, будучи духом.

Артефакт светился мягким белым светом.

Он был похож на простую табличку-ключ, но в этом свете чувствовалась глубина, несравнимая ни с чем. Это был ключ-приказ почти божественного ранга — артефакт, способный открывать двери древних пагод и обителей бессмертных. Я знал, что это за ключ, я увидел это в одной из пагод, на стене висела картина, мимолетное воспоминание бессмертного, куда мне посчастливилось попасть в свое время.

На картине был изображен мужчина мира бессмертных, удивительный человек, очень тонкой души, умевший создавать шедевры даже в мире, где любой мог создать неповторимую вещь. Так вот этот мастер настолько умел чувствовать красоту, что его звали во все земли бессмертных, где он создавал свои шедевры для императоров, полководцев и просто выдающихся людей. Он был творец пагод и обителей. Чтобы попадать внутрь пагод и творить, у него был инструмент - универсальный ключ, отпирающий любые замки. Его он использовал для удобства. Так этот ключ оказался у меня. Случайно, в одной из пагод.

Я подошёл и опустился на колени. Пальцы дрожали, когда я взял его в руки. Артефакт был тёплым.

Не просто нагретым — тёплым живым теплом, которое я помнил всем своим существом. Он узнал меня. Почувствовал мой дух, мою ци, мою волю. Тот самый дух, который он когда-то питал, не давая раствориться в мире после гибели тела.

Мы вспомнили друг друга. Я прижал артефакт к сердцу и долго стоял неподвижно.

В пещере было тихо. Только где-то в глубине горы капала вода. И в этой тишине я впервые за долгое время почувствовал, что не просто выжил. Я вернул часть себя.

Прощание с пиком:

Больше в пещере не осталось ничего ценного. Только руины, пыль, мох и густая энергия горы.

Я убрал артефакт в сумку-хранилище. Он всё ещё слабо светился сквозь ткань, и это меня насторожило. Такой артефакт не должен привлекать внимания. Если о нём узнает практик высокого уровня, беды не избежать.

Я приложил ладонь к сумке и тихо попросил:

— Скрой своё сияние.

И артефакт отозвался. Белое свечение угасло. Табличка стала обычной — тёмной, неприметной, похожей на старый ключ из простого дерева или потемневшего камня. Даже если кто-то увидит её, вряд ли заподозрит, что в руках находится почти божественная вещь.

Я вышел из пещеры тем же путём. Медленно. Осторожно.

Узкие ходы, каменные расщелины, тёмные коридоры — всё это осталось позади. На выходе я завалил вход камнями, чтобы случайный путник не нашёл дорогу внутрь.

Стоя у подножия горы, я оглянулся.

Пик Высокого Лотоса возвышался над облаками — разрушенный, израненный, но всё ещё величественный. Его вершины ловили вечерний свет, а глубокие рытвины на склонах казались шрамами старого воина.

«Однажды я вернусь сюда не гостем, — подумал я. — Я вернусь хозяином».

Тогда я восстановлю пещеру. Возобновлю формации. Найду способ удержать и направить энергию горы. На уровне Зародыша я смогу жить здесь, впитывать ци Пика Высокого Лотоса и заново идти к Вопрошанию.

Но это было делом будущего. Мне пора лететь в закрытые земли пяти сект.

Дорога к закрытым землям:

Я поднялся в небо на своём мече.

Пик Высокого Лотоса медленно уходил вниз, становясь всё меньше. Его разрушенные склоны ещё долго были видны среди облаков — тёмные рытвины, обвалы, голые камни там, где когда-то шумели водопады и зеленели древние леса. Гора молчала. Но я знал: глубоко в её сердце теперь снова хранилась часть моей прошлой жизни.

В сумке-хранилище лежал артефакт. Обычная, неприметная табличка-ключ.

Никто, взглянув на неё, не понял бы, что перед ним вещь почти божественного ранга. Артефакт сдержал своё сияние, спрятал дыхание своей силы и стал тихим, как старый камень. Лишь иногда, когда меч прорезал плотное облако, я чувствовал сквозь ткань сумки едва заметное тепло.

Он был со мной. И этого было достаточно. Я достал карту закрытых земель пяти сект.

Она развернулась в воздухе тонким листом полупрозрачного нефрита. По её поверхности медленно текли светящиеся линии — горные хребты, реки, дороги, границы владений. В некоторых местах карта мерцала ярче: там, где ци земли и неба была особенно густой и чистой.

Одна из таких отметок находилась далеко к востоку. Долина древних пагод. Я направил меч туда.

Над Небесными Горами:

Сначала подо мной тянулись знакомые хребты.

Горы поднимались одна выше другой, будто волны застывшего моря. Утренний свет скользил по их вершинам, зажигая снег золотом. Внизу, в глубоких ущельях, спали облака — белые, плотные, неподвижные. Иногда ветер разрывал их, и тогда на мгновение открывались зелёные склоны, извилистые тропы и крошечные деревни, прижавшиеся к берегам горных рек.

Я летел высоко.

Слишком высоко для обычных путников, но достаточно осторожно, чтобы не привлекать внимания сильных практиков.

Ветер свистел в ушах. Холодный воздух обжигал лицо, но тело, укреплённое низким золотым ядром, легко переносило эту высоту. Ци циркулировала по меридианам ровным, спокойным потоком. Впервые за долгое время я не спешил, не прятался, не боялся каждого шороха за спиной.

Впереди была цель.

Чем дальше я летел на восток, тем необычнее становилась земля.

Горы меняли цвет. Вместо тёмного камня и густых лесов появились светлые утёсы, словно вырезанные из белого нефрита. Между ними висели мосты из старого железа и камня. Реки внизу блестели, как расплавленное серебро, а водопады падали с такой высоты, что не долетали до земли — превращались в туман ещё в воздухе.

Иногда я пролетал над заброшенными тропами.

Иногда — над руинами небольших обителей.

Кое-где на скалах ещё стояли полуразрушенные пагоды. Их изогнутые крыши заросли мхом, колокольчики давно умолкли, а лестницы вели в пустоту. Но даже разрушенные, эти строения хранили следы древней силы.

Я не снижался. Карта вела дальше. К вечеру небо стало пурпурно-золотым.

Солнце опускалось за дальние хребты, и облака подо мной окрасились в цвет расплавленной меди. Я уже собирался найти место для ночёвки, когда впереди увидел странную завесу.

Она висела между двумя огромными горами.

Сначала я принял её за облако. Но облака не бывают такими плотными. Эта пелена мерцала бледно-голубым светом и медленно вращалась, словно гигантский водоворот из тумана. Внутри неё угадывались силуэты гор, но они казались размытыми, далёкими, будто находились не за туманом, а в другом мире.

Я остановил меч и достал карту.

Над долиной древних пагод мерцала особая отметка. От неё к завесе тянулась тонкая светящаяся нить.

«Закрытые земли», — подумал я.

Пять сект когда-то запечатали это место. Не просто спрятали — отрезали от обычного мира. Здесь могла сохраниться древняя ци, древние техники, артефакты и обители бессмертных. Но здесь же могли остаться формации, духи, звери и ловушки, которые не потеряли силы за тысячелетия.

Я спустился ниже и остановился на выступе скалы.

Внизу шумела река. Вода с грохотом падала среди чёрных камней, разбиваясь на белую пену. Воздух был влажным, тяжёлым, наполненным запахом мокрой земли и невидимой, но явственной ци.

Артефакт в сумке слегка потеплел.

Он чувствовал долину. Или чувствовал то, что скрывалось за завесой. Сначала осмотрюсь, — решил я. — Нельзя входить слепо.

Первый взгляд на долину:

Я поднялся выше и полетел вдоль завесы, держась на расстоянии.

Туманная пелена тянулась между гор на несколько ли. Она не была сплошной: в разных местах её свет то усиливался, то ослабевал. Возле одной из скал я заметил узкий проход — не разрушение, а словно оставленную щель в древней печати.

Там ци была особенно густой. Я замедлился.

Внутри прохода что-то слабо мерцало. Не свет артефакта — другой свет, холодный и ровный. Формация.

Старая, но живая.

Я не стал приближаться. Вместо этого опустился на соседнюю скалу и сел, скрестив ноги. Внизу темнела долина, скрытая завесой. Где-то там стояли пагоды, хранились тайны и, возможно, ждали меня двери, которые никто не открывал тысячелетиями.

Ночь опустилась на горы. Зажглись звёзды. Ветер стих.

И только далёкий шум реки напоминал, что мир вокруг всё ещё живёт.

Я положил карту закрытых земель пяти сект перед собой и стал изучать отметки. Долина была лишь одной из многих. На карте светились и другие места: горы, где спали древние звери; озёра с водой, способной очищать меридианы; руины, в которых, возможно, ещё дремали наследия бессмертных.

Но сначала — долина древних пагод. Я посмотрел на табличку-ключ.

— Завтра, — сказал я тихо.

Артефакт не ответил. Но тепло в моей ладони стало чуть сильнее.

Впереди была закрытая земля Пяти Сект. И я собирался войти туда не как случайный путник, а как человек, который знает цену древним печатям — потому что сам когда-то умел их ставить.

Глава вторая. Долина древних пагод

Проход в завесе:

Ночь над закрытыми землями была холодной и ясной.

Я сидел на выступе скалы, закутавшись в плащ, и смотрел, как звёзды медленно плывут над туманной завесой. Она не спала даже ночью — мерцала бледно-голубым, вращалась, и в её глубине угадывались размытые силуэты гор, будто отражение в мутной воде. Где-то далеко внизу шумела река, и её голос был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Меч лежал у меня на коленях. Юэ Хань молчал, но я чувствовал его присутствие — холодное, внимательное, как взгляд из-за плеча.

— Ты собираешься всю ночь любоваться? — наконец спросил он.

— Думаю.

— О чём? О том, что за завесой может быть смерть? Или о том, что ты забыл, как открывать древние печати?

Я усмехнулся.

— И о том, и о другом. Завеса старая. Её ставили не для того, чтобы убивать каждого, кто подойдёт. Она отрезает землю от мира. Значит, где-то должен быть вход — не прореха, а именно вход, оставленный теми, кто ставил печать.

— И ты его нашёл?

— Нашёл. Узкая щель возле западной скалы. Там ци течёт иначе — ровнее, чем вокруг. И формация внутри живая. Старая, но живая.

Дух помолчал.

— Живая формация — это хорошо. Или очень плохо. Зависит от того, кто её ставил.

— Я почувствую, — сказал я. — Утром.

Утром я поднялся ещё до рассвета.

Туман лежал в долине белым морем, и только самые высокие пики поднимались над ним, тёмные и безмолвные. Воздух был ледяным, чистым, с запахом камня и далёкого снега. Я вдохнул полной грудью, и ци внутри отозвалась — золотое ядро тихо провернулось, посылая тепло по меридианам.

Я подлетел к западной скале.

Щель в завесе была узкой — в два человеческих роста, не больше. По её краям вились тонкие нити голубого света, и внутри них медленно текли символы — древние, полустёртые, но всё ещё живые. Я остановился в нескольких шагах и закрыл глаза.

Потянулся чувствами.

Формация была старой. Очень старой. Её ставили не для того, чтобы убить — для того, чтобы не пустить. Она узнавала чужака по ци, по дыханию, по намерению. И у неё был ключ.

Я достал табличку из сумки.

Артефакт лежал в ладони — тёмный, неприметный, похожий на обломок старого камня. Но когда я поднёс его к щели, он дрогнул. Тепло разлилось по пальцам, и на поверхности таблички проступила тонкая белая линия — как трещина, как луч света, пробившийся сквозь камень.

Формация ответила.

Нити голубого света дрогнули, расступились, и щель расширилась — медленно, будто старая дверь, которую открывали впервые за тысячи лет. Изнутри пахнуло холодом и чем-то ещё — сухим, древним, как запах старой бумаги в забытой библиотеке.

— Ну надо же, — тихо сказал Юэ Хань. — Он и правда работает, старики из сект дали рабочую табличку.

— Ну не могли же они подсунуть победителю турнира не рабочий ключ

— Я бы этим старикам не доверял, свои тайны отдавать абы кому они не станут.

Я шагнул в щель.

Мир качнулся. На мгновение меня оглушила тишина — не обычная, а плотная, будто я нырнул под воду. Потом всё вернулось: ветер, шум далёкой воды, запах камня. Я стоял на узкой каменной тропе, а за спиной щель сомкнулась, и завеса снова стала ровной и непроницаемой.

Я был внутри.

Долина древних пагод:

Я стоял на краю обрыва и смотрел вниз.

Долина лежала передо мной — широкая, изрезанная руслами высохших рек, покрытая каменными террасами и руинами. Когда-то здесь были сады. Когда-то здесь росли деревья, цвели цветы, шумели водопады. Теперь остались только камни.

Пагоды.

Их было много — десятки, может, сотни. Они поднимались из земли, как зубы древнего зверя: изогнутые крыши провалились, колонны треснули, лестницы вели в пустоту. Мох покрывал стены, дикий плющ оплетал арки, а между камнями пробивалась трава — тонкая, бледная, будто она росла в тени слишком долго.

Ветер гулял между руинами, и в его шуме слышался тихий звон — где-то далеко, на высокой пагоде, ещё висели колокольчики. Они не звонили — просто дрожали на ветру, и их голос был тонким, как память о том, что здесь когда-то жили люди.

Я медленно спустился по каменной тропе.

Ци здесь была другой. Густой, тяжёлой, словно воздух напитался древней силой и не хотел её отпускать. Она оседала на коже, входила в меридианы без усилий, и золотое ядро тихо гудело, принимая её. Но в этой ци была и горечь — как привкус старого вина, которое слишком долго стояло в закрытом сосуде.

— Осторожно, — сказал Юэ Хань. — Здесь много формаций. Большинство мертвы, но некоторые могут быть живыми.

— Чувствую.

Я шёл медленно, внимательно глядя под ноги. Каменные плиты под ногами были покрыты трещинами, и в этих трещинах жила ци — тонкая, как паутина. Иногда она вспыхивала под моим шагом, и тогда на камне на мгновение проступали древние символы — и гасли.

Я дошёл до первой пагоды.

Она была разрушена почти до основания. Крыша обвалилась внутрь, стены держались только у основания, а внутри царил полумрак. Я вошёл — и остановился.

Здесь ничего не было. Только пыль, камни и мох. Полки, на которых когда-то стояли сосуды, были пусты. Ниши, где хранились таблички, зияли чёрными провалами. Кто-то был здесь до меня — очень давно. Может, мародёры, может, сами бессмертные, уходя, забрали всё ценное.

Я вышел и пошёл дальше.

Вторая пагода. Третья. Четвёртая. Я обходил руины одну за другой, и везде было одно и то же: пустота. Камни, пыль, мох. Ни трав, ни артефактов, ни табличек. Только иногда под ногами хрустели черепки — осколки древней посуды, слишком старые, чтобы иметь ценность.

К полудню я обошёл почти половину долины и не нашёл ничего.

— Пусто, — сказал я, садясь на камень у очередной разрушенной пагоды.

— Не совсем, — ответил Юэ Хань.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты смотришь глазами. А ты посмотри чувствами. Не на камни — на ци.

Я закрыл глаза и потянулся.

Сначала я ничего не понял. Ци была везде — ровная, густая, древняя. Но потом я заметил: она течёт не хаотично. Откуда-то из глубины долины, из-под земли, поднимались тонкие нити — слабые, почти невидимые, но они были. Они вились между камнями, огибали руины, собирались в узлы и уходили дальше.

Один такой узел был совсем рядом.

Я открыл глаза и посмотрел вниз. Под моими ногами, в трещине между плитами, что-то слабо мерцало — не свет, а тень света, как отблеск луны на дне колодца. Я присел и коснулся камня ладонью.

Артефакт в сумке дрогнул.

Тепло разлилось по пальцам, и табличка тихо засветилась сквозь ткань — белым, ровным светом. Она что-то чувствовала. Что-то под землёй.

— Здесь, — сказал я. — Под нами что-то есть.

— Обитель? — спросил Юэ Хань.

— Похоже на то. Ключ реагирует. Но как туда попасть?

Я осмотрелся. Каменные плиты, трещины, мох. Ни входа, ни люка, ни лестницы. Только камень — гладкий, древний, покрытый сетью трещин. Я провёл ладонью по плите, и ци внутри неё отозвалась — тихо, как эхо в пустой комнате.

— Здесь формация, — сказал я. — Скрывающая. Она маскирует вход. Но я её не вижу.

— Значит, плохо смотришь.

— Или она слишком старая. Может, она уже не работает.

— Или работает слишком хорошо, — заметил дух. — Такие формации не гаснут. Они просто ждут.

Я сел рядом с трещиной и задумался. Под землёй была обитель — я чувствовал её, чувствовал ровное дыхание ци, чувствовал, как ключ реагирует на неё. Но входа не было. Или он был скрыт так, что я не мог его найти.

Я просидел там до вечера, пытаясь понять формацию. Но она была слишком сложной — слишком древней. Я мог бы сломать её, если бы у меня было больше силы. Но сейчас я был всего лишь на низком уровне Ядра, и моих сил не хватало, чтобы разгадать её.

— Нужно время, — сказал я наконец. — Или другой подход.

— Или найти проход в другом месте, — ответил Юэ Хань.

Я покачал головой.

— У меня есть ключ. Просто я пока не знаю, как его использовать. Поищем другой вход.

Я поднялся. Солнце уже клонилось к западу, и долина окрасилась в медные тона. Пора было уходить — или искать другое место. Я вспомнил о карте: на ней были отмечены и другие места. Горы, где спали древние звери. Озёра с живой водой. Может, там я найду то, что поможет.

Я взлетел на мече и полетел к северу.

Спящие звери:

Я летел над долиной, и руины проплывали внизу — серые, разрушенные, безмолвные. Чем дальше я забирался, тем выше становились горы, и тем гуще становилась ци. Она была уже не просто густой — она была плотной, как вода. Я чувствовал её кожей, чувствовал, как она течёт вокруг меня, и золотое ядро тихо гудело, принимая её.

К вечеру я увидел впереди горный хребет — высокий, скалистый, с вершинами, покрытыми снегом. Между двумя пиками лежала широкая долина, и в ней что-то двигалось.

Я замедлил полёт.

Сначала я подумал, что это птицы. Но птицы не бывают такими большими. В воздухе, в нескольких километрах от меня, кружил змей — огромный, длинный, с чешуёй, отливавшей

тёмно-синим. Его крылья были широкими, перепончатыми, и каждое движение поднимало в воздух волны ци. Он летал над долиной медленно, лениво, будто проверял свои владения.

Я остановился и прижался к скале.

Змей был на пятом уровне Ядра. Я чувствовал его ауру — тяжёлую, глубокую, как дно горного озера. Он был сильнее меня. Немного, но сильнее.

— Не вздумай, — тихо сказал Юэ Хань.

— Я и не думаю.

Я наблюдал за ним. Змей сделал несколько кругов над долиной, потом опустился на землю — на широкий каменный выступ у подножия горы. Он свернулся в клубок, положил голову на камни и замер. Но я чувствовал: он не спит. Он отдыхает. И он следит за своей территорией.

Я хотел уже улетать, когда заметил в небе ещё одну тень.

Она была дальше — километрах в двадцати, может еще больше. Второй змей. Ещё больше, ещё темнее. Его аура была тяжелее, глубже, и я почувствовал её даже на таком расстоянии. Шестой уровень Ядра. Он летал высоко, медленно, и его крылья закрывали половину неба.

Он не приближался. Он просто летал — там, далеко, над своими владениями. Но я знал: если я подойду ближе, он заметит.

Я отлетел назад, за скалу, и сел на камень.

— Шестой уровень, — сказал я тихо. — Это слишком.

— Слишком, — согласился Юэ Хань. — Но пятый — не слишком. Если подойти умно.

Я посмотрел на змея, который лежал на выступе. Он был ранен? Нет. Он просто отдыхал. Но он был один. И он был на пятом уровне — на том же, что и я. Может, чуть сильнее. Но у меня был меч. И у меня был опыт.

— Хочешь проверить? — спросил дух.

— Хочу.

— Тогда не будь дураком. Атакуй сверху. Он не ждёт. Он отдыхает. И он не думает, что кто-то посмеет так нагло атаковать его.

Я кивнул.

Бой со змеем:

Я поднялся высоко в небо — так высоко, что долина внизу стала маленькой, а змей превратился в тёмную точку на камне. Ветер бил в лицо, холодный и резкий, но я не чувствовал холода. Ци внутри меня текла ровно, и золотое ядро тихо гудело, готовое к бою.

Я подождал, пока солнце опустится ниже, и тени станут длиннее. Потом начал спуск.

Я не летел прямо. Я падал — быстро, почти отвесно, прижав меч к груди. Ветер свистел в ушах, земля приближалась, и змей становился всё больше. Он не двигался. Он лежал, свернувшись в клубок, и его чешуя блестела в вечернем свете.

Я ударил сверху.

Меч вошёл в его бок, между чешуями, и змей взревел. Не от боли — от ярости. Его тело дёрнулось, крылья распахнулись, и я отлетел в сторону, едва успев увернуться от хвоста. Змей поднялся в воздух, и его глаза — жёлтые, злые — нашли меня.

Он атаковал сразу.

Из его пасти вырвалась струя льда — белая, холодная, с искрами ци. Я ушёл в сторону, и струя ударила в скалу за моей спиной. Камень треснул, покрылся инеем, и по нему побежали тонкие трещины.

Змей развернулся и ударил снова. На этот раз лёд шёл не струёй — волной. Он замораживал всё вокруг: камни, воздух, даже ци. Я чувствовал, как холод цепляется за меня, как он пытается сковать движения. Но я был быстрее.

Я ушёл вверх, потом в сторону, потом вниз. Змей гнался за мной, и его крылья поднимали в воздух вихри снега и льда. Он был силён. Очень силён. Но я его ранил — я видел, как кровь течёт из раны на его боку, как чешуя вокруг неё потемнела.

Я не пытался убить его одним ударом. Я кружил, уходил, бил по крыльям, по телу, по глазам. Меч в моей руке светился голубовато-золотым, и каждая атака оставляла на его теле тонкие порезы. Он злился, ревел, но слабел.

На десятой минуте он дрогнул.

Я увидел момент — он замахнулся хвостом, но движение вышло слишком медленным. Я шагнул внутрь, под его крыло, и ударил мечом в шею. Клинок вошёл глубоко, и змей замер.

Потом рухнул.

Он упал на камни, и земля дрогнула. Несколько мгновений в долине было тихо — только ветер шевелил снег и где-то далеко шумела вода.

Я опустился рядом и сел, тяжело дыша.

— Неплохо, — сказал Юэ Хань. — Ты стал быстрее.

— Он был ранен, — ответил я. — И он не ждал от меня такой наглости.

— Всё равно. Но ты справился, а победителей не судят.

Я подошёл к телу и достал нож. Ядро змея было в его груди — тёмно-синее, пульсирующее, с искрами льда внутри. Я вырезал его осторожно, завернул в ткань и убрал в сумку. Потом собрал чешую — крупные пластины, тёмные, с синим отливом. Из них можно было сделать защиту или укрепить мой будущий доспех.

Я хотел уже уходить, когда почувствовал: что-то изменилось.

Рёв:

Он раздался с неба — низкий, тяжёлый, раскатистый. Не крик, а именно рёв — глубокий, как гром в горах. Он прокатился над долиной, и снег с ближних вершин сорвался вниз, и камни задрожали.

Я поднял голову.

Второй змей — тот, что был на шестом уровне — висел в небе. Он был далеко, но его глаза смотрели прямо на меня. Жёлтые, холодные, злые. Он видел бой. Видел, как я убил его сородича. И он ревел — не от ярости, а от предупреждения.

«Убирайся. Это моя земля».

Я не стал ждать. Я поднялся на мече и полетел прочь — быстро, но не слишком, чтобы не выглядеть как бегство. Змей не преследовал. Он просто висел в небе, и его рёв ещё долго катился над горами, пока не растворился в облаках.

Я летел на юг, к озёрам.

Озёра и живая вода:

Я летел всю ночь.

Горы внизу сменялись долинами, долины — лесами, леса — снова горами. Я не останавливался, пока не увидел впереди блеск воды. Озёра лежали в широкой котловине, окружённой скалами, и в свете луны они казались россыпью серебряных зеркал.

Я спустился к ближайшему.

Вода была чистой — прозрачной до самого дна, и в ней отражались звёзды. Я зачерпнул ладонью и выпил. Вода была холодной, свежей, с лёгким привкусом минералов. Она очищала — я чувствовал, как животная ци, которую я впитал после боя со змеем, медленно растворяется, уходит, становится чище.

Но это было не то.

Я чувствовал: где-то рядом есть источник. Живая вода — не просто чистая, а живая, насыщенная силой, способная очищать меридианы и давать постоянный приток энергии. Я обошёл озеро, потом второе, третье. Вода в них была хорошей, но не той.

Я остановился у четвёртого озера и сел на камень.

— Она где-то здесь, — сказал я. — Я чувствую.

— Чувствуешь, но не находишь, — заметил Юэ Хань.

— Да.

Я закрыл глаза и потянулся чувствами. Ци в воде была ровной, спокойной. Но где-то глубже, под землёй, была другая — плотная, живая, пульсирующая. Она поднималась из глубины, но не выходила на поверхность. Она была скрыта.

— Под землёй, — сказал я. — Источник под землёй.

— Как и обитель, — ответил дух.

Я открыл глаза и посмотрел на воду. Под землёй. Опять под землёй. Сначала обитель, теперь источник. Словно сама земля хранила свои сокровища, не желая отдавать их.

Я сидел на камне и смотрел, как луна отражается в воде. Впереди был ещё день — может, два. Я мог искать источник, мог возвращаться к обители, мог лететь дальше. Но теперь я знал: и то, и другое — под землёй. И чтобы попасть туда, мне нужно было не просто найти вход. Мне нужно было понять, как его открыть.

Я достал табличку-ключ и посмотрел на неё.

Артефакт тихо светился в моей ладони — белым, ровным светом. Он чувствовал и обитель, и источник. Он знал путь. Но пока я не знал, как его использовать.

— Завтра, — сказал я. — Завтра я найду вход.

Я убрал артефакт и лёг на камень, завернувшись в плащ. Над головой горели звёзды, и где-то далеко, в горах, ещё слышался рёв змея — тихий, далёкий, как эхо давно ушедшей грозы.

Я закрыл глаза и уснул.

А утром собирался найти то, что скрывала земля.

Глава третья. Подземный колодец

Утро у озера:

Я проснулся от холода.

Солнце ещё не поднялось из-за хребта, и вода в озере была тёмной, как расплавленный свинец. Над ней стелился туман — тонкий, прозрачный, пахнущий камнем и далёким снегом. Я сел на камне, растёр лицо ладонями и посмотрел на небо. Звёзды гасли одна за другой, и на востоке уже проступала бледная полоса.

— Выспался, — спросил Юэ Хань.

— Да, отлично поспал.

— Хорошо. Сегодня тебе понадобятся силы.

Я кивнул. Он был прав. Вчера я чувствовал источник — живую воду под землёй. Она была рядом, но я не мог её найти. И обитель тоже была под землёй. Два сокровища, скрытых в глубине, и ни одного входа.

Я встал, умылся ледяной водой из озера и съел остатки лепёшки, которую взял с собой из города. Потом достал карту и разложил её на камне.

Долина древних пагод лежала к югу. Источник — где-то здесь, под озёрами. Я провёл пальцем по линиям, но карта не показывала подземных ходов. Только горы, реки, озёра и руины.

— Сначала обитель, — сказал я. — Там может быть что-то, что поможет найти источник.

— Или, наоборот, — заметил Юэ Хань. — Источник может дать тебе силу, чтобы открыть обитель.

Я задумался. Он был прав. Я не знал, что найдётся первым. Но обитель была ближе — я уже чувствовал её под руинами, чувствовал, как ключ реагирует на неё. И потом, обитель — это не просто сокровище. Это место, где жили бессмертные. Там могли быть техники, артефакты, знания. То, что поможет мне стать сильнее.

— Летим к руинам, — сказал я.

Возвращение к пагодам:

Я летел над долиной, и руины проплывали внизу — серые, разрушенные, безмолвные. В утреннем свете они казались ещё более мёртвыми, чем вчера. Ветер гнал пыль по каменным плитам, и где-то далеко звенели колокольчики — тонко, жалобно, как плач.

Я спустился к той самой пагоде, где вчера почувствовал след ци.

Она стояла на краю долины, полуразрушенная, с провалившейся крышей и треснувшими стенами. Внутри было темно и прохладно. Пахло пылью, мхом и чем-то древним — сухим, как старая бумага.

Я вошёл и остановился.

Вчера я обошёл почти все пагоды и ничего не нашёл. Но сейчас, при свете утра, я видел больше. Стены были покрыты тонкими линиями — не трещинами, а символами. Древними, полустёртыми, но всё ещё живыми. Они слабо мерцали в полумраке, и их свет был похож на отблеск луны на воде.

— Формация, — сказал я.

— Старая, — ответил Юэ Хань. — Но не мёртвая. Она что-то скрывает.

Я подошёл к стене и провёл по ней ладонью. Символы отозвались — тепло, тихо, как дыхание спящего. Я попытался прочесть их, но они были слишком древними. Я знал некоторые знаки — те, что использовались в формациях тысячи лет назад. Но здесь был другой язык. Другая школа.

Я ходил по пагоде, заглядывал в каждый угол, пытался понять, что она скрывает. Но стены были глухими, пол — ровным, и нигде не было ни двери, ни люка, ни трещины, достаточно широкой, чтобы пролезть.

Прошёл час. Потом второй.

Я сел на камень у стены и почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Я был так близко. Я чувствовал обитель — она была где-то здесь, подо мной, и ключ в сумке тихо светился, реагируя на неё. Но я не мог найти вход.

— Может, его нет, — сказал я. — Может, обитель разрушена, и остались только следы.

— Ты сам не веришь в это, — ответил Юэ Хань.

— Не верю.

Я встал и пнул камень, который лежал у моих ног.

Камень:

Удар был сильным — злость, раздражение, усталость. Камень отлетел в сторону, ударился о стену, отскочил и покатился по полу. Я ждал, что он остановится. Но он не остановился.

Он провалился.

Раздался глухой звук — не треск, не скрежет, а именно глухой удар, будто камень упал в воду или в пустоту. Потом — тишина. Потом — ещё один звук, далёкий, как эхо в глубоком колодце.

Я замер.

— Что это было? — спросил Юэ Хань.

— Не знаю.

Я подошёл к тому месту, где камень провалился. Пол был покрыт пылью и мхом, и на первый взгляд он был ровным. Но когда я присел и провёл ладонью, я почувствовал: здесь была трещина. Тонкая, почти незаметная, скрытая под слоем пыли. Камень провалился в неё, и теперь я видел: внизу темнота. Глубина.

Я достал нож и осторожно расширил трещину. Пыль полетела вниз, и я услышал, как она падает — долго, слишком долго. Глубоко.

Через несколько минут я расчистил достаточно, чтобы увидеть: это был колодец. Старый, высохший, с каменными стенками, уходившими вниз. Я бросил в него ещё один камень и прислушался. Удар пришёл через двадцать секунд — глухой, далёкий.

— Колодец, — сказал я. — Он ведёт вниз.

— В обитель? — спросил Юэ Хань.

— Может быть. Или к источнику. Или просто в пустоту.

— Ты собираешься спускаться?

Я посмотрел вниз. Темнота была густой, почти осязаемой. Но я чувствовал: там, внизу, что-то есть. Ци текла иначе — не как в пагоде, а глубже, ровнее, будто под землёй был свой мир, своя жизнь.

— Собираюсь.

Спуск:

Я достал верёвку — тонкую, но прочную, сплетённую из трав, которую купил в городе. Привязал её к каменной колонне у входа в колодец и бросил вниз. Верёвка размоталась до конца и повисла, не доставая до дна.

Я взялся за неё и начал спускаться.

Колодец был узким — в два человеческих роста, не больше. Стены были покрыты мхом и влагой, и в некоторых местах камень крошился под пальцами. Я спускался медленно, осторожно, проверяя каждую опору. Внизу было темно, и я достал небольшой светящийся камень — артефакт, который купил в городе за пару камней душ. Он давал мягкий голубоватый свет, достаточный, чтобы видеть стены.

Спуск занял почти десять минут. Верёвка закончилась, и мне пришлось спускаться по стенам, цепляясь за трещины и выступы. Руки горели, плечи ныли, но я продолжал.

Наконец мои ноги коснулись земли.

Я стоял на каменном полу. Вокруг была темнота, и только свет моего артефакта выхватывал из неё стены — гладкие, древние, покрытые символами. Они слабо мерцали, как и те, что были в пагоде наверху.

Я осмотрелся.

Это был не просто колодец. Это был вход в подземные ходы. От колодца расходились тоннели — широкие, с высокими сводами, они уходили в разные стороны, и их было много. Стены были покрыты резьбой, пол — каменными плитами, а воздух был прохладным, сухим, с лёгким запахом пыли и древности.

— Здесь кто-то жил, — сказал я.

— Или что-то, — ответил Юэ Хань.

Я пошёл вперёд.

Подземные ходы:

Первые несколько часов я бродил по тоннелям, и они казались бесконечными. Они ветвились, пересекались, уходили вниз и вверх, и я потерял направление. Но я запоминал повороты, отмечал стены, и постепенно начал понимать: это был лабиринт. Древний, построенный с расчётом, чтобы запутать чужака.

Но я не был чужаком. Я был практиком, который когда-то жил в пещере и знал, как устроены подземные жилища. Я чувствовал ци — она текла по тоннелям, и там, где она была гуще, были комнаты. Там, где она была тише, — тупики.

Я нашёл несколько комнат. В одной были старые полки, пустые, покрытые пылью. В другой — каменный стол, треснувший пополам. В третьей — ниши в стенах, где когда-то стояли сосуды. Всё было пусто. Ни артефактов, ни табличек, ни трав. Только камни, пыль и мох.

Прошло восемь часов.

Я устал. Ноги гудели, глаза слезились от напряжения, и я уже начал думать, что зря спустился сюда. Но потом я вышел в широкий тоннель, и почувствовал: что-то изменилось.

Воздух стал влажным. В нём появился запах воды — свежей, чистой, живой. И ци была другой — плотной, тёплой, пульсирующей, как сердце.

Я замедлил шаг и пошёл тише.

Озеро:

Тоннель вывел меня в большую пещеру.

Она была круглой, с невысоким сводом, и в центре её лежало озеро. Вода была прозрачной, светящейся изнутри, и от неё поднимался мягкий голубоватый свет. Он освещал стены, покрытые резьбой, и камни, поросшие мхом.

Но не это заставило меня замереть.

Вокруг озера лежали черви.

Они были огромными — каждый длиной с лодку, а толщиной с человека. Их тела были покрыты тёмной, блестящей кожей, и они лежали, свернувшись в кольца, вокруг воды. Они спали. Я чувствовал их ци — тяжёлую, глубокую, как дно горного озера. Они были на низком уровне Ядра. А самый крупный, лежавший у дальнего берега, — на высоком.

Я стоял в тени тоннеля и смотрел на них.

— Вот это да, — тихо сказал Юэ Хань. — Они выросли на этой воде.

— Живая вода, — ответил я. — Она даёт силу. Они пили её столетиями и выросли до уровня Ядра.

— И теперь охраняют её.

Я кивнул. Это был источник. Живая вода — та самая, которую я искал. Она была здесь, в этом озере, и черви спали вокруг неё, как стражи.

Я достал меч.

— Ты собираешься убить их всех? — спросил Юэ Хань.

— Да. Пока они спят.

— А если проснутся?

— Тогда будет бой.

Я не стал ждать. Я выбрал момент — все черви лежали неподвижно, их дыхание было ровным, ци текла спокойно. Я шагнул вперёд и ударил.

Первый червь умер сразу — меч вошёл в его тело у основания кольца, и я перерезал ему нервный узел. Он дёрнулся, но не издал ни звука. Второй — тоже. Третий, четвёртый, пятый. Я двигался быстро, тихо, как тень. Я знал, куда бить — в уязвимые места, где кожа тоньше, где ци течёт медленнее.

Семь червей умерли, не проснувшись.

Восьмой — вожак — открыл глаза.

Бой с вожаком:

Он был огромным. Его тело занимало почти половину пещеры, и когда он поднялся, свод задрожал. Его глаза — чёрные, без зрачков — смотрели на меня, и в них была ярость. Он не ревел. Он просто смотрел, и от этого взгляда воздух становился тяжелее.

Я стоял с мечом в руке и ждал.

Он атаковал первым.

Его тело рванулось вперёд, и я едва успел увернуться. Он ударил хвостом — толстым, как ствол дерева, — и я отскочил в сторону, чувствуя, как воздух дрожит от удара. Он был быстрым для своего размера. Очень быстрым.

Я не мог летать. Пещера была слишком узкой, свод слишком низким для полета. Здесь нельзя было использовать меч для полёта, нельзя было маневрировать в воздухе. Только ноги, руки и клинок.

Я принял бой.

Он атаковал снова — на этот раз всем телом, пытаясь раздавить меня. Я ушёл в сторону, рубанул мечом по его боку. Клинок вошёл в кожу, но не глубоко. Слишком толстая. Слишком прочная.

Он взревел — низко, глухо, — и ударил хвостом. Я блокировал мечом, и удар отбросил меня к стене. Спина ударилась о камень, и я почувствовал, как из лёгких выбило воздух.

Он пополз ко мне, медленно, уверенно. Он знал, что я не могу летать. Знал, что я заперт.

Я поднялся.

— Ладно, — сказал я тихо. — Тогда по-другому.

Я собрал ци в меч. Клинок вспыхнул голубовато-золотым светом, и я ударил — не по телу, а по его тени. Техника рассеивания. Она не убивала, но сбивала с толку, путала ци, заставляла терять ориентацию.

Червь дрогнул. Его движения стали замедлились, стали менее точными. Я ударил снова — теперь уже по суставу, где кольца тела соединялись. Клинок вошёл глубже. Кровь брызнула на камни. Я ударял снова и снова.

Он взревел и рванулся вперёд, пытаясь схватить меня. Я нырнул под него, скользнул по камням и ударил снизу — в брюхо, где кожа была тоньше. Меч вошёл по рукоять.

Червь замер. Потом рухнул.

Добыча:

Я стоял над его телом, тяжело дыша. Руки дрожали, ноги гудели, но я был жив. Я победил.

Я достал нож и начал вырезать ядра. У мелких червей они были маленькими, тёмными, с голубыми искрами внутри. Я собрал семь ядер четвёртого уровня. У вожака ядро было больше — тяжёлое, пульсирующее, с глубоким синим светом. Шестой уровень.

Я убрал их в сумку.

Потом подошёл к озеру.

Вода была тёплой, живой, и от неё поднимался мягкий свет. Я достал пустой сосуд — специальную бутылочку, которую купил в городе на случай, если найду что-то ценное. Она была небольшой, но внутри было пространство, достаточное, чтобы вместить озеро.

Я направил ци в сосуд, и вода потекла в него — медленно, ровно, как ручей. Озеро уменьшалось, и через несколько минут на его месте осталась только влажная земля.

Я закрыл сосуд и убрал его в сумку.

— Теперь у меня есть живая вода, — сказал я.

— И ядра, — добавил Юэ Хань. — Неплохая добыча.

— Неплохая.

Я сел на камень и перевёл дух. Восемь часов в тоннелях, бой с червями, и теперь — озеро в сосуде. Я был уставшим, но довольным.

Дальше по тоннелям:

Я пошёл дальше.

Тоннели тянулись во все стороны, и я исследовал их один за другим. Прошло ещё три часа. Я нашёл несколько комнат — пустых, заброшенных, покрытых пылью. В одной были старые инструменты, в другой — обрывки ткани, в третьей — разбитые сосуды. Всё было древним, мёртвым, никому не нужным.

Но потом я вышел в широкий тоннель, и почувствовал: что-то изменилось.

Впереди был свет. Не мой — другой, ровный, голубоватый. Он исходил от стены, и когда я подошёл ближе, я увидел: это была формация.

Она покрывала стену от пола до потолка — сложный узор из символов, линий и кругов. Она мерцала, и её свет был живым, тёплым, как дыхание.

Я остановился.

— Это она, — сказал я. — Обитель.

— За этой стеной? — спросил Юэ Хань.

— Да. Я чувствую.

Я достал ключ-артефакт. Табличка тихо светилась в моей ладони, и её свет был ярче, чем обычно. Она чувствовала формацию. Чувствовала обитель.

Я сел перед стеной, скрестив ноги, и положил ключ перед собой.

— Теперь осталось только открыть, — сказал я.

Формация мерцала передо мной, и я знал: это будет нелегко. Но у меня был ключ. И у меня было время.

Я закрыл глаза и начал.

Отмычки:

Я сидел перед стеной, и формация мерцала передо мной — сложная, древняя, живая.

Ключ лежал в моей ладони, тёплый и тихий. Я направил в него ци, и табличка ответила — белым светом, ровным, как дыхание. На её поверхности проступили тонкие линии — не символы, а именно линии, похожие на карту. Они тянулись к стене, к формации, и на мгновение я увидел: ключ не просто открывает. Он ищет.

Я закрыл глаза и позволил ему работать.

Сначала ничего не происходило. Формация мерцала, её символы текли, как вода, и я чувствовал: она не хочет открываться. Она была старой, но не мёртвой. Она помнила, кто её ставил, и не доверяла чужаку.

Но ключ был настойчивым.

Я чувствовал, как он перебирает варианты — медленно, терпеливо, как старый мастер, подбирающий отмычку к замку. Он не ломал. Он искал. И постепенно я начал понимать: формация состоит из нескольких контуров. Каждый контур — отдельная защита, отдельный слой. Их было много. Больше, чем я думал.

Первый контур был простым. Ключ нашёл его слабое место — тонкую трещину в узоре — и расширил её. Формация дрогнула, и первый слой погас.

Я открыл глаза. Стена передо мной стала тусклее.

— Один, — сказал я.

— Ещё много, — ответил Юэ Хань. — Не спеши.

Я не спешил.

Второй контур был сложнее. Он был сплетён из тонких нитей, и каждая нить была отдельной линией защиты. Ключ перебирал их одну за другой, искал, где нить тоньше, где узор проще. Прошло несколько часов, прежде чем он нашёл нужную. Второй слой погас.

Третий контур был ещё сложнее. Он был похож на лабиринт — символы переплетались, закручивались, уходили вглубь. Ключ не мог найти вход. Он кружил, пробовал, отступал и снова шёл вперёд. Я чувствовал его напряжение — не боль, а именно напряжение, как у человека, который пытается разгадать загадку.

Прошёл день.

Я сидел перед стеной, не двигаясь, и ключ работал. Я не ел, не пил, не спал. Ци текла по меридианам ровно, и золотое ядро тихо гудело, поддерживая меня. Я не чувствовал голода. Я чувствовал только терпение — бесконечное, спокойное, как у камня.

На второй день ключ нашёл вход в третий контур. Он расширил его, и слой погас.

Четвёртый контур был ещё сложнее. Пятый — ещё. Шестой, седьмой, восьмой. Я сбился со счёта. Я сидел и смотрел, как ключ работает, и постепенно формация передо мной тускнела. Символы гасли один за другим, линии бледнели, и стена становилась всё тоньше, всё прозрачнее.

На девятый день — я не считал часы, но чувствовал, как время течёт сквозь меня, как вода сквозь пальцы, — формация дрогнула.

Последний контур был самым сложным. Он был сплетён из всех предыдущих, и ключ не мог найти в нём слабое место. Он кружил, пробовал, отступал. Я чувствовал его усталость — не мою, его. Он был старым артефактом, и его сила была не бесконечной.

Но он не сдавался. И тогда я помог ему.

Я направил в ключ всю свою ци — не жалея, не думая о том, что будет потом. Золотое ядро тихо провернулось, и сила потекла по меридианам, из ладоней в табличку. Ключ вспыхнул ярче, и его линии засветились — белым, чистым, как первый снег.

Он нашёл слабое место.

Формация дрогнула. Символы погасли один за другим — быстро, как свечи на ветру. Стена передо мной стала прозрачной, потом тусклой, потом — исчезла.

Печать схлопнулась. Тишина.

Я открыл глаза.

Глава четвертая. Техника обители и аукцион

Обитель:

Стена исчезла.

За ней был проход — широкий, с высоким сводом, и в конце его был свет. Не голубой, не белый, а тёплый, золотистый, как утреннее солнце. Я поднялся на ноги, и они дрожали — не от усталости, а от напряжения. Девять дней я сидел перед формацией. Девять дней ключ работал, а я держал его.

Я шагнул в проход.

Свет становился ярче, и вскоре я вышел в огромный зал. Он был круглым, с высоким куполом, и в центре его стояла пагода.

Она была древней. Очень древней. Её стены были покрыты пылью, крыша провалилась в некоторых местах, и сквозь трещины пробивалась трава. Но она стояла. Она держалась. И я чувствовал: печать в ней всё ещё работала. Ослабла, но работала. Она защищала это место от внешнего мира.

Я вошёл внутрь.

Внутри пагоды были усадьбы. Не комнаты, а именно усадьбы — небольшие дома, выстроенные в ряд вдоль дорожек, мощённых камнем. Они были в плохом состоянии: стены треснули, крыши обвалились, двери висели на петлях. Где-то от них остались только фундаменты — камни, поросшие мхом, и пустота.

Я ходил по дорожкам и заглядывал в каждую усадьбу.

В первой были старые полки — пустые, покрытые пылью. Во второй — каменный стол, треснувший пополам. В третьей — ниши в стенах, где когда-то стояли сосуды. Всё было пусто. Ни артефактов, ни табличек, ни трав. Только камни, пыль и мох.

Я шёл дальше.

Усадьбы становились меньше, беднее. В некоторых не было даже стен — только фундамент и обломки. Я заглядывал в каждую, искал хоть что-то, что могло здесь остаться ценного. Но время забрало всё. Оно было безжалостным — оно стёрло даже память о том, что здесь жили люди.

И тогда я дошёл до последней усадьбы.

Она стояла в самом конце дорожки, у стены пагоды. Она была маленькой — меньше остальных, — и её крыша почти полностью обвалилась. Но стены держались. И внутри что-то было.

Я вошёл.

Внутри было темно и прохладно. Пахло пылью и старой бумагой. Я достал светящийся камень, и его свет выхватил из темноты стол, стул и полку. На столе лежала книга.

Она была старой — очень старой. Кожаный переплёт потрескался, страницы пожелтели, но она была целой. Я взял её в руки, и она показалась мне тяжёлой — не по весу, а по чему-то другому. По памяти.

Я открыл её.

Дневник:

Страницы были покрыты письменами — тонкими, аккуратными, как у каллиграфа. Я не знал этого языка, но некоторые символы были мне знакомы. Древние. Те, что использовались тысячи лет назад.

И были рисунки.

Они были выполнены тушью — тонкими линиями, точно, красиво. На первом рисунке была пагода — целая, с высокими крышами и резными колоннами. На втором — люди. Они летали, играли, смеялись. На третьем — вода. Ручей, море, волна.

Я сел на стул и положил книгу на стол.

— Это дневник, — сказал я.

— Чей? — спросил Юэ Хань.

— Не знаю. Но он древний.

Я провёл ладонью по странице, и ци внутри меня дрогнула. Книга отозвалась — тихо, тепло, как дыхание. Она была не просто книгой. Она была артефактом.

Я закрыл глаза и направил в неё ци.

Видение:

Мир качнулся.

Я стоял на площади, и вокруг меня была пагода. Целая. Живая. Её крыши блестели на солнце, колонны были увиты цветами, и в воздухе пахло весной — свежей травой, цветами, дождём.

Вокруг ходили люди. Они были красивыми — высокими, стройными, с длинными волосами и спокойными лицами. Они летали — не на мечах, а просто так, легко, будто невесомые. Они играли с животными — маленькими, пушистыми, с длинными хвостами. Они смеялись.

Я стоял и смотрел.

Недалеко от меня, у стены пагоды, сидел художник. Он был молодым — на вид лет двадцати, — с тонкими пальцами и внимательными глазами. Перед ним стоял мольберт, и он рисовал. Я подошёл ближе и заглянул через его плечо.

На картине была вода.

Не просто вода — она была живой. Ручей бежал по камням, и его струи были тонкими, как шёлк. Море лежало внизу, спокойное, глубокое, и в нём отражалось небо. Волна поднималась вверх, и её гребень был покрыт пеной, как снегом.

Я смотрел на картину и понимал: я в ней. Не в этом мире, а в картине. Вода, которую он рисовал, была не просто водой. Она была техникой.

К художнику подбежала девочка.

Она была маленькой — лет семи, — с растрёпанными волосами и любопытными глазами. Она посмотрела на картину и спросила:

— Что ты хочешь нам показать?

Художник улыбнулся. Его улыбка была тёплой, спокойной, как у человека, который знает что-то важное и хочет поделиться этим.

— Я показываю красоту, — сказал он. — Красоту и гармонию стихии воды. Смотри.

И картина начала жить.

Сначала вода в ручье дрогнула. Она потекла быстрее, и её струи закрутились, запенились, засверкали на солнце. Потом ручей превратился в реку — широкую, спокойную, с тёмной водой и зелёными берегами. Река потекла в море, и море поднялось — огромное, безбрежное, с волнами, которые катились одна за другой, как горы.

Потом море вздрогнуло.

Волна поднялась — не одна, а много. Они шли одна за другой, и каждая была выше предыдущей. Они становились всё больше, всё страшнее, и вот уже не волны, а стены воды поднимались над горизонтом. Они шли вперёд, сметая всё на своём пути — камни, деревья, дома, — и их гребни были белыми, как снег, а тела — тёмными, как ночь.

Это было цунами.

Оно шло, и я чувствовал его силу. Не физическую — духовную. Оно было техникой. Высокого ранга. Техникой бессмертных.

Я смотрел и запоминал.

Я запоминал каждую линию, каждый изгиб, каждый поток. Я запоминал, как вода собирается, как она движется, как она бьёт. Я запоминал технику — не словами, а телом, ци, дыханием.

Художник рисовал, и его картина жила. Девочка смотрела и ахала. А я стоял и запоминал.

Потом картина погасла.

Возвращение:

Мир качнулся, и я снова был в усадьбе. В руках у меня была книга. Дневник. На его странице был рисунок — тот самый, с водой.

Я сидел на стуле и тяжело дышал.

— Ты видел? — спросил Юэ Хань.

— Видел.

— Что это было?

— Техника. Высокого ранга. Стихия воды. Планетарного масштаба на высоком уровне.

Я закрыл книгу и убрал её в сумку.

— Нам нужно уходить, — сказал я. — Немедленно.

Я вышел из усадьбы, прошёл через пагоду, через зал, через проход — и вышел наружу.

Небо:

Над пагодой было голубое небо.

Я стоял и смотрел на него. Впервые за девять дней я видел солнце. Оно было высоко, яркое, и его свет был тёплым. Ветер шевелил траву, и где-то далеко пели птицы.

Я достал меч и встал на него.

— Быстро улетаем, пока нас не заметили, — сказал я.

— Куда? — спросил Юэ Хань.

— В большой город. Мне нужна броня.

Я поднялся в воздух и полетел — быстро, как только мог. Я улетал из долины древних пагод, и внизу проплывали руины — серые, разрушенные, безмолвные. Я не оглядывался. Я знал: если кто-то найдёт эту пагоду и свяжет её со мной, я долго не проживу. Техника, которую я видел, была слишком ценной. Слишком опасной.

Я летел на восток, к большому городу. И пока меч резал облака, я думал.

Что это была за техника? Я видел воду — от тихого ручья до цунами, сметающего всё на своём пути. Планетарного масштаба. Если этой техникой можно уничтожить целый мир, что это за сила такая, я подобных техник еще не встречал даже в прошлой жизни!

Я не знал ответа. Но я знал: я должен её выучить. Полностью. До конца.

Впереди был город. В сумке — дневник, ядра, чешуя змеи и живая вода. А в памяти — техника, которая могла изменить всё.

Я летел вперёд.

Мысли в полете:

Я летел на восток, и ветер бил в лицо — холодный, резкий, пахнущий снегом и далёкими грозами.

Подо мной проплывали горы, одна выше другой, и их вершины терялись в облаках. Иногда я спускался ниже, и тогда видел леса — тёмные, густые, с реками, блестевшими между стволами. Иногда поднимался выше, и тогда облака лежали подо мной, как белое море, а над ними было только солнце и бесконечное небо.

Я не оглядывался.

Я улетал из закрытых земель пяти сект так быстро, как только мог. Внутри всё сжималось от мысли: а вдруг кто-то видел? Вдруг кто-то заметил вспышку, когда печать схлопнулась? Вдруг кто-то уже летит за мной?

Я гнал эти мысли прочь. Но они возвращались.

Я думал о технике, которую видел в дневнике. О воде — от тихого ручья до цунами, сметающего всё на своём пути. Я чувствовал её силу, её глубину. Она была не просто техникой — она была частью мира, частью самой стихии. И я знал: чтобы использовать её, мне нужно стать сильнее.

Намного сильнее.

Я чувствовал: эта техника уровня Вопрошания и выше. Моих сил не хватит. Если я попробую использовать её сейчас, она выпьет меня до дна. Оставит пустую оболочку. Убьёт. Даже на высоком уровня Ядра, ее использовать имело смысл только в случае прямой угрозы жизни.

Я убрал дневник глубже в сумку. Пусть лежит. Пусть ждёт. Я достану его, когда буду готов.

А пока — город. Броня. Деньги.

Город Небесных Островов:

Город показался на третий день.

Сначала это была просто дымка на горизонте — серая, размытая. Потом она стала расти, и вскоре я увидел стены — высокие, серые, сложенные из огромных камней. Над ними поднимались крыши, пагоды, тонкие струйки дыма. Ворота были открыты, и через них текли люди — торговцы, путники, стражники, простые жители.

Я спустился у городских ворот, спрятал меч в сумку и смешался с толпой.

Город был огромным. Он возвышался над равниной, как белый корабль, и его улицы вились между домами, как реки. Над всем этим поднимались пагоды с изогнутыми крышами, и их колокольчики тихо звенели на ветру.

Я вошёл в город и остановился на мгновение, вдыхая знакомые запахи — жареное мясо, специи, дым, влажный камень. Я был здесь раньше. Я знал этот город.

У стражника у ворот я спросил:

— Когда будет аукцион?

Он посмотрел на меня — внимательно, но без интереса.

— Через три дня.

Я кивнул.

Три дня. Достаточно, чтобы заказать броню и подготовить технику.

Улица Мастеров

Я помнил Улицу Мастеров — узкую, шумную, забитую кузницами и мастерскими. Там пахло металлом, дымом и горячим маслом. Я шёл вдоль неё, заглядывая в каждую дверь, и искал того, кто сможет сделать то, что мне нужно.

Я нашёл его в конце улицы.

Его мастерская была маленькой, но чистой. Над дверью висела вывеска: «Молот и Пламя». Внутри стоял стол, заваленный инструментами, и горн, в котором горел огонь. Мастер был старым — седые волосы, морщинистое лицо, руки, покрытые шрамами от огня и металла. Он посмотрел на меня, когда я вошёл, и кивнул.

— Что нужно?

Я выложил на стол чешую змеи и часть брони червей.

Чешуя была тёмно-синей, с серебристым отливом, и каждая пластина была твёрдой, как камень. Рядом я положил часть брони вожака червей — толстую, тёмную, с прожилками, светившимися изнутри, — и камни. Ядра четвёртого уровня. Семь штук.

Мастер посмотрел на всё это и присвистнул.

— Хороший материал, — сказал он.

— Да, долго искал.

Он хмыкнул, но не стал спрашивать больше. Он взял чешую в руки, повертел, постучал по ней ногтем. Потом взял броню червя, понюхал, посмотрел на просвет.

— Могу сделать приличную броню, — сказал он наконец. — Лёгкую, прочную, с защитой от ци. Но с тебя — восемьсот малых камней душ. За работу.

Я кивнул.

— Хорошо. Оплачу после работы. Вот задаток.

Я выложил на стол пятьдесят камней. У меня осталось одиннадцать.

Мастер пересчитал камни и кивнул.

— Через пять дней будет готово. Приходи.

Я поклонился и вышел.

Комната:

Я снял комнату на постоялом дворе — маленькую, но чистую, с окном, выходившим на улицу. За одиннадцать камней я получил три дня проживания и еду. Этого хватало.

Я поел в столовой — простой суп, хлеб, чай. Потом вернулся в комнату и сел за стол.

Пора было записать технику.

Я достал пустую нефритовую табличку, которые валялись у меня в пещере и одну я с собой носил всегда. Положил её перед собой, закрыл глаза и начал вспоминать.

Техника двойного удара ци мечом.

Это была не самая сложная техника. Не самая редкая. Но в этом мире она считалась хорошей. Большинство практиков выпускали одну дугу ци — широкую, сильную, но одну. А эта техника позволяла выпустить две — одновременно, с разных углов, так, что противник не успевал блокировать обе.

Я знал её. Я использовал её в прошлой жизни — не часто, потому что она требовала концентрации, но знал хорошо. И сейчас я записывал её на табличку — медленно, аккуратно, следя за тем, чтобы каждый символ был точным.

Прошло несколько часов, прежде чем я закончил. Табличка слабо светилась, и я чувствовал: техника закрепилась внутри. Она была готовой. Её можно было продать.

Я убрал табличку в сумку и лёг на кровать.

За окном шумел город. Где-то кричали торговцы, где-то лаяли собаки. Я лежал и слушал, и постепенно мысли уходили, уступая место сну.

Два дня в городе:

Следующие два дня я провёл в городе.

Я ходил по улицам, смотрел что продают, слушал разговоры. Я не спешил. Мне нужно было узнать, что происходит в мире, и город был лучшим местом для этого.

И я узнал.

Секта Теней Ветра собиралась на войну.

Я услышал это в столовой — двое практиков сидели за соседним столом и говорили тихо, но достаточно громко, чтобы я слышал.

— Тени Ветра готовятся, — сказал один. — Они уже месяц собирают силы.

— Против кого? — спросил второй.

— Против острова Трёх Лун. Говорят, там что-то нашли. Что-то ценное. И Тени Ветра хотят это забрать.

— А остров?

— Остров готовится к обороне. У них свои практики, свои мастера. Но Тени Ветра сильнее. Они уже обратились к другим сектам за помощью.

Я слушал и не вмешивался.

Война. Значит, скоро будет война. И это было плохо. Война — это хаос, смерть, разрушение. Война — это то, что может помешать мне.

Но с другой стороны — война это и возможность. Возможность заработать. Возможность найти что-то ценное. Возможность стать сильнее.

Я не знал, что выберу. Но я знал: я должен быть готов.

Я также слушал о закрытых землях. Никто не говорил о драконе. Никто не говорил о пагоде. Никто не говорил о том, что кто-то видел вспышку или слышал шум. Словно ничего не произошло. Словно я был единственным, кто там был.

Это было хорошо. Это значило, что меня не заметили. Или, если заметили, то не связали со мной.

Я немного выдохнул.

Аукцион:

День аукциона начался с колоколов.

Я проснулся рано, умылся, оделся и вышел из комнаты. На улице было прохладно, и туман ещё лежал между домами. Я шёл к Залу Падающей Звезды, и сердце билось быстрее обычного.

Я помнил этот зал. Я был здесь раньше — продавал технику, покупал меч. Теперь я возвращался снова.

Зал стоял в глубине квартала, окружённый высокими фонарями из белого нефрита. Его крыша была выгнута, как крылья огромной птицы, а перед входом горели два ряда синих огней. Люди входили внутрь группами и поодиночке — торговцы в дорогих одеждах, практики с мечами, монахи, молодые ученики сект.

Я вошёл вместе с ними.

У входа меня встретил управляющий — тот же, что и в прошлый раз, — и я сказал ему:

— Я хочу выставить два лота.

Он кивнул.

— Какие?

— Два ядра зверей шестого уровня. И редкая техника.

Он поднял брови.

— Ядра шестого уровня? Откуда?

— Из дальних земель, не помню названия. И пусть торги за второй лот идут в продвинутых камнях душ.

Он посмотрел на меня внимательнее, но не стал спрашивать больше.

— Хорошо. Записываю. Условия стандартные: пять процентов с продажи. Приходите к началу. Вот маска.

Он дал мне маску — гладкую, белую, с прорезями для глаз. Я надел её и вышел.

Ожидание:

До аукциона оставалось несколько часов.

Я ходил по городу, ел, слушал разговоры. Я не мог сидеть на месте. Слишком много мыслей было в голове.

Я думал о технике воды. О том, как она выглядела — от ручья до цунами. О том, как она текла, как она била. Я запоминал её, и теперь она была во мне — не полностью, но достаточно, чтобы попробовать. Когда-нибудь. Когда буду готов.

Я думал о броне. О том, как она будет выглядеть — тёмно-синяя, с серебристым отливом, лёгкая, прочная. Она должна была защитить меня от ударов, от ци, от всего.

Я думал о войне. О том, что она приближается. О том, что она может изменить всё.

И я думал о себе. О том, кем я был. О том, кем я стал. О том, кем я хочу быть.

Я остановился у фонтана в центре площади и посмотрел на воду. Она текла — тихо, спокойно, — и в ней отражалось небо.

— Ты готов? — спросил Юэ Хань.

— Готов.

— Тогда идём.

Я повернулся и пошёл к Залу Падающей Звезды.

Аукцион начинался.

Глава пятая. Аукцион и диск

Зал Падающей Звезды:

Я надел маску и вошёл в зал.

Внутри было прохладно и тихо. Свет падал откуда-то сверху — мягкий, голубоватый, — и в нём плавали тонкие нити благовоний. Зал был огромным: ряды сидений уходили вниз, к сцене, а над ними, под самым потолком, висели ложи — небольшие, закрытые полупрозрачными занавесями. Я поднялся по лестнице и занял одну из них.

Отсюда было видно всё.

Внизу уже собирались люди. Я видел практиков в формах разных сект — белых, серых, чёрных. Видел богачей в дорогих одеждах, с слугами, стоявшими за их спинами. Видел мастеров — старых, седых, с внимательными глазами. Видел бродяг в простых одеждах, но с глазами, которые говорили больше, чем любые украшения.

Все ждали.

Я сидел в своей ложе и смотрел. Маска скрывала моё лицо. Я видел всех. И, возможно, кто-то видел меня. Но это было неважно. Сегодня я был просто продавцом. Никем.

Управляющий вышел на сцену.

Он был высоким, с длинной седой бородой и спокойным лицом человека, который видел на этих торгах всё: и радость, и разочарование, и жадность. Он поднял руку, и зал затих.

— Уважаемые гости, — произнёс он, и его голос разнёсся по залу. — Начнём наши торги.

Первые лоты:

Первые лоты шли быстро.

Служители выносили на сцену травы — редкие, светящиеся, пахнущие горами и дождём. Их покупали практики в белых одеждах, торговались вяло, без азарта. Цены были небольшими — триста, четыреста, пятьсот малых камней. Потом вынесли пилюли высокого качества — золотистые, прозрачные, с искрами внутри. Их покупали богачи, и цена выросла до тысячи.

Потом были артефакты.

Ожерелья, кольца, браслеты. Некоторые светились, некоторые были тёмными и тихими. Их покупали мастера — старые, с внимательными глазами. Они торговались спокойно, уверенно, и цена доходила до полутора тысяч.

Я смотрел и ждал.

Потом вынесли коробочку.

Она была маленькой — размером с ладонь, — и сделана из тёмного дерева. Управляющий открыл её, и в зале стало тихо. Внутри, в стеклянной колбе, светилась вода. Она была голубой, прозрачной, и от неё исходило мягкое свечение, как от луны на воде.

— Живая вода, — сказал управляющий. — Одна колба. Собрана со всего света по капле. Начальная цена — пятьсот малых камней душ.

Зал загудел.

Я смотрел на колбу и чувствовал, как внутри поднимается странное чувство. У меня было целое озеро этой воды. Целое озеро. А здесь, за одну колбу, люди готовы были отдать состояние.

Торг начался.

Цена росла быстро — шестьсот, семьсот, восемьсот. Потом тысяча. Потом тысяча пятьсот. Потом две тысячи. Люди торговались азартно, и я видел, как некоторые вставали с мест, кричали, поднимали таблички.

Наконец цена остановилась на трёх тысячах пятистах.

— Продано, — сказал управляющий, и молоток опустился.

Я сидел и смотрел.

Три тысячи пятьсот малых камней душ. За одну колбу. У меня было целое озеро. Если бы я отлил бочку, я мог бы получить... сколько? Десятки тысяч? Сотни?

Я покачал головой.

Нельзя. Нельзя показывать, что у меня есть такое сокровище. Если кто-то узнает, что у меня есть целое озеро живой воды, меня найдут. Отнимут. Убьют. Я знал это. Я слишком хорошо знал это.

Я перестал жадничать и продолжил смотреть.

Мои ядра:

Потом вынесли мой лот.

Служитель поставил на сцену небольшой сундук, и управляющий открыл его. Внутри, на бархатной подушке, лежали два ядра. Тёмные, тяжёлые, с глубоким синим светом внутри. Они пульсировали, и от них исходила волна чистой, плотной ци.

— Два ядра зверей шестого уровня, — сказал управляющий. — Добыты в дальних землях. Начальная цена — тысяча малых камней душ.

Зал загудел.

Ядра шестого уровня были ценностью. Из них делали артефакты, пилюли для уровня Ядра и выше. Они были нужны всем — и молодым практикам, и старым мастерам.

Торг начался сразу.

— Тысяча двести!

— Тысяча пятьсот!

— Две тысячи!

Цена росла быстро, и я видел, как люди встают с мест, как они кричат, как они торгуются. Ядра были нужны всем.

— Три тысячи!

— Три тысячи пятьсот!

— Четыре тысячи!

Я сидел и смотрел. Я не верил своим глазам. Я знал, что ядра ценны, но не думал, что настолько.

— Пять тысяч!

— Пять тысяч пятьсот!

Молоток опустился.

— Продано за пять тысяч пятьсот малых камней душ.

Я выдохнул.

Пять тысяч пятьсот. Я был богат. Не так богат, как некоторые в этом зале, но достаточно, чтобы купить всё, что нужно.

Седьмой уровень Ядра:

Потом были другие лоты.

Травы, артефакты, броня. Я смотрел вполглаза, не вникая. Мои мысли были заняты другим. Я думал о технике воды, о броне, о войне. Я думал о том, что делать дальше.

И тогда вынесли ядро седьмого уровня.

Оно было огромным — размером с голову, — и его свет был не синим, а фиолетовым, глубоким, как ночное небо. От него исходила такая сила, что даже я, сидя в ложе, почувствовал её давление.

Зал замер.

— Ядро зверя седьмого уровня, — сказал управляющий. — Начальная цена — три тысячи малых камней душ.

Тишина.

Никто не поднял табличку. Никто не крикнул. Все смотрели на ядро и молчали.

И тогда встал старик.

Он был старым — очень старым. Седые волосы, длинная борода, белые одежды с вышитыми лотосами. Я узнал его сразу: старейшина секты Белого Лотоса. Тот самый, что был на турнире.

Он поднял руку.

— Восемь тысяч.

Зал молчал. Никто не стал спорить. Никто не посмел.

Молоток опустился.

— Продано.

Старик сел на место. Он больше ничего не покупал. Он ждал этот лот. Он пришёл сюда только ради него.

Я смотрел на него и думал: вот что такое настоящая сила. Не деньги. Не артефакты. А возможность прийти на аукцион, назвать цену — и никто не станет спорить. Так было и со мной в далеком прошлом.

Моя техника:

Последним лотом вынесли мою табличку.

Управляющий поднял её, и она слабо засветилась в его руке — белым, ровным светом.

— Нефритовая табличка с техникой, — сказал он. — По просьбе продавца торги будут производиться только в продвинутых камнях душ.

Зал загудел.

— Что? Только в продвинутых?

— Что это за техника такая?

— Почему продавец ставит условия?

Управляющий поднял руку, и зал затих.

— Техника двойного удара ци мечом, — сказал он. — Позволяет практику выпускать две широкие дуги ци одновременно, с разных направлений. Редкая техника. Подходит для практиков высокого уровня Основы и выше.

Зал взорвался.

Я видел, как люди встают с мест, как они кричат, как они торгуются. Техника была нужна всем. Каждому практику, у которого был меч. Каждому, кто хотел стать сильнее.

Даже старейшина Белого Лотоса оживился. Он подался вперёд и смотрел на табличку с интересом.

— Тридцать продвинутых камней душ, — сказал управляющий.

— Сорок!

— Пятьдесят!

— Шестьдесят!

Цена росла быстро. Люди торговались азартно, и я видел, как некоторые считают камни в уме, как они хмурятся, как они решают, стоит ли продолжать.

— Семьдесят!

— Восемьдесят!

— Сто!

Цена остановилась на ста тридцати.

— Сто тридцать раз, — сказал управляющий. — Сто тридцать два. Сто тридцать три. Продано.

Молоток опустился.

Я сидел и смотрел. Сто тридцать продвинутых камней душ. Я не знал, сколько это в малых, но знал, что много. Очень много. Я спустился вниз, отдал маску и подошёл к управляющему.

Он пересчитал камни и протянул мне две сумки — одну с малыми, другую с продвинутыми.

— Ваша доля, — сказал он. — За вычетом пяти процентов комиссии: пять тысяч двести двадцать пять малых камней и сто двадцать три продвинутых.

Я взял сумки и поклонился.

— Благодарю.

Он кивнул и отвернулся. Я вышел из зала.

Броня:

Улица Мастеров встретила меня шумом и запахом металла.

Я шёл быстро, не оглядываясь. В сумке лежали камни — тяжёлые, тёплые, — и я чувствовал их вес. Я чувствовал себя богатым. Впервые за долгое время.

Мастер ждал меня у входа в мастерскую.

— Готово, — сказал он.

Я вошёл.

На столе лежала броня.

Она была тёмно-синей, с серебристым отливом, и каждая пластина была покрыта тонкими узорами — следами чешуи змея. Она была лёгкой — я взял её в руки и почувствовал, как она почти невесома. Но когда я надел её, она села идеально — как вторая кожа.

— Хорошая работа, — сказал я.

— По-другому не умею, — ответил мастер. — Я вложил в неё все свои знания.

Я заплатил ему. Остаток семьсот пятьдесят малых камней душ. У меня осталось четыре тысячи четыреста семьдесят пять малых камней. Я поклонился и вышел.

Дорога домой:

Я поднялся в воздух и полетел на запад.

Город остался позади, и его огни медленно гасли в сумерках. Внизу проплывали поля, леса, реки. Я летел быстро, но не спешил. Я думал.

Прошло больше двух недель, как меня не было в секте. Старейшины, наверное, уже заметили. Может, они искали меня. Может волновались. Может, они злились.

Я не знал. Но я знал, что должен вернуться. Я должен был показать им, что я жив. Что я стал сильнее. Что я достоин места в секте.

Я летел и думал о технике воды. О том, как она выглядела. О том, как она текла. О том, как она била.

Я думал о броне, которая была на мне под одеждами секты. О том, как она защитит меня.

Я думал о войне, которая приближалась. О том, что она может изменить всё.

Я летел вперёд, и впереди были горы — высокие, белые, с вершинами, покрытыми снегом. Где-то там была моя пещера. Где-то там был мой дом. Я улыбнулся, ведь я возвращался к себе.

Диск:

Отлетев от города на приличное расстояние, я сбавил ход и опустился на одинокий каменный выступ, торчавший из склона, как зуб старого зверя. Внизу лежала долина — зелёная, тихая, разрезанная блестящей нитью реки. Ветер нёс запах хвои и далёкого снега. Здесь меня никто не видел. Здесь можно было рискнуть.

Я достал диск.

Он лежал в моих ладонях — тёмный, тяжёлый, с тонкими узорами по краю и углублениями по кругу, похожими на гнёзда. Диск, снятый с одного из тех двоих, что убили парня в Туманном лесу. Тогда, разбирая их сумки, я не сразу понял, что это такое. Теперь понимал.

Восемь продвинутых камней душ. Ровно восемь — по числу углублений.

Я достал их из сумки. Камни были тяжёлыми, тёплыми, и внутри каждого дремал свет — густой, плотный, как расплавленное золото. Я вложил первый камень в первое гнездо. Он вошёл с тихим щелчком, будто ключ в замок. Потом второй. Третий.

К восьмому диску по краю побежала тонкая светящаяся линия. Она вспыхнула голубым, потом золотым, потом снова голубым — и закружилась по кругу, будто оживала. Диск дрогнул в моих руках. По его поверхности пробежали узоры, и в центре, где раньше была гладкая тьма, проступил тусклый свет.

— Работает, — тихо сказал я.

— Ещё бы, — отозвался Юэ Хань. — Восемь продвинутых камней. Такая роскошь не может не работать.

Я взобрался на него. Он был небольшой, в диаметре 5 метров. Он качнулся подо мной, как лодка на воде. Я направил в него ци — осторожно, тонкой нитью, — и диск отозвался. Свет по краям вспыхнул ярче, и мы поднялись.

Плавно. Легко. Почти беззвучно. А потом я попробовал прибавить.

Диск рванулся вперёд так, что у меня перехватило дыхание. Ветер ударил в лицо, глаза заслезились, долина внизу превратилась в размытую зелёную полосу. Я едва успел наклониться в сторону, и диск послушно ушёл в поворот — резко, круто, почти под прямым углом. Сердце ухнуло куда-то вниз. Я выровнял его, и мы снова понеслись вперёд.

— Слишком быстро, — прохрипел я, вцепившись в края.

— Не слишком, — возразил Юэ Хань. — Просто ты не умеешь. Это не меч. Меч — это палка, которая летит туда, куда ты её направишь. А диск — это зверь. Его не надо тащить. Его надо вести.

Я не сразу понял, что он имеет в виду.

Первый час я учился. Диск слушался, но не так, как меч. Меч отвечал на каждое движение ци, как продолжение руки. Диск же чувствовал меня глубже — он словно читал моё намерение ещё до того, как я успевал его осознать. Стоило мне подумать «вправо», и он уже наклонялся. Стоило захотеть прибавить — и он рвался вперёд.

Слишком резко. Слишком сильно. Я несколько раз чуть не сорвался, несколько раз входил в облака так, что не успевал пригнуться, и холодная влага хлестала по лицу. Но постепенно я начал понимать его нрав.

Не тянуть. Не давить. Просто хотеть — и позволять ему исполнить.

Ко второму часу я уже уверенно шёл над облаками. Диск шёл ровно, плавно, и его скорость была такой, что я невольно смеялся в голос. Меч, на котором я летал раньше, казался теперь старым мулом рядом с породистым скакуном. Горы внизу проносились, как волны застывшего моря. Реки вспыхивали серебром и исчезали позади. Ветер пел в ушах, и это было не то ощущение, что даёт меч, — это была настоящая свобода.

— Хорошая вещь, — сказал я, сев по центру диска и выровняв его над очередным хребтом. — Почему у него такая скорость?

— Потому что это не ученический артефакт, — ответил Юэ Хань. — Его делали для дальних дорог. Для тех, кто не хочет тратить на путь недели. За такой диск на аукционе дадут не меньше тысячи продвинутых камней.

— А я купил его за три сумки мёртвых учеников.

— Тебе повезло.

Я усмехнулся и прибавил ходу. Диск послушно рванулся вперёд. Я учился маневрировать — нырял в ущелья между скалами, выходил из пике у самой земли, шёл над самыми верхушками леса, пока ветер не начинал свистеть в ветвях. Это было не просто полёт. Это была игра.

И тут я почувствовал их.

Не сразу. Сначала — просто движение сбоку, далеко. Потом — колебание ци, слишком ровное для птицы, слишком быстрое для случайного путника. Я обернулся.

Ко мне приближались трое. На мечах. Издалека они казались тёмными точками, но точки быстро росли, и вскоре я разглядел фигуры — трое мужчин, одетых в простую дорожную одежду без всяких знаков сект. Один махал рукой, и ветер доносил обрывки крика:

— Эй! Стой! Остановись!

Я сбавил скорость. Диск послушно замедлился, и я повис в воздухе, ожидая, пока они подлетят ближе. Мне было интересно. Если это бродяги — что им нужно? Дорогу спросить? Или что-то серьёзнее?

Они подлетели втроём и остановились в нескольких шагах от меня. Старший — широкоплечий, с седеющей бородой и шрамом через бровь — держался впереди. Двое других, помоложе, смотрели на меня с плохо скрытой усмешкой.

Я чувствовал их ци. Старший был на начальном уровне Ядра. Двое других — на высоком уровне Основы. Для них я, спрятавший своё ци ещё в городе, выглядел как обычный практик высокого уровня Основы. Слабее их старшего. Слабее, чем они думали.

— Чего надо? — спросил я спокойно.

Старший улыбнулся. Улыбка была недоброй.

— Да вот, летим, смотрим — диск у тебя хороший. Быстрый. Красивый. — Он кивнул на мой артефакт, и в его глазах блеснула жадность. — Мы, знаешь ли, люди простые. Бродяги. У нас такого нет. А у тебя есть. Несправедливо, тебе не кажется?

Я молчал.

— Так вот, — продолжил он, — предлагаю по-хорошему. Ты, уважаемый, сам отдаёшь нам диск. Добровольно. И тогда мы тебя не убьём. — Он усмехнулся. — Ну как? Согласен?

Двое за его спиной засмеялись и начали облетать меня с боков. Медленно, вкрадчиво, чтобы я точно не улетел.

Я посмотрел на них. Потом на старшего.

— Вы точно это решили? — спросил я. — Разойтись полюбовно не сможем?

Они снова засмеялись. Старший покачал головой, как учитель, глядя на бестолкового ученика.

— Ты, я вижу, умный, — сказал он. — А в людях разбираешься плохо. Неужели не понял? Мы не спрашиваем. Мы забираем. Диск — нам. Сумка — тоже нам. Мало ли что у тебя там лежит. Может, тоже что-то ценное.

Он подлетел ещё ближе. Совсем близко. Так близко, что я видел морщины на его лице и трещины на рукояти его меча.

Мне это надоело.

Я не стал ничего говорить. Не стал предупреждать. Не стал давать им шанс. Они сами выбрали.

Я взялся за меч.

Первое движение было быстрым — настолько быстрым, что я сам едва успел его заметить. Диск подо мной дрогнул, и мой клинок описал короткую дугу. Голова одного из младших бродяг — того, что облетал меня справа, — отделилась от плеч и полетела вниз. Тело ещё мгновение держалось в воздухе, будто не поняло, что уже мертво, а потом рухнуло вслед за головой.

Второй даже не успел вскрикнуть. Мой меч прошёл ему поперёк шеи, и он тоже полетел вниз — молча, без крика, с широко открытыми от удивления глазами.

Прошло три секунды.

Старший среагировал. Он был опытнее, и его ци вспыхнула, как костёр, в который плеснули масла. Он рванулся вперёд, замахиваясь мечом, и в его движении была настоящая техника — не ученическая, не бродяжья, а что-то серьёзное.

— Ты! — проревел он. — Ты кто такой?!

Я не ответил. Я уже понял его ритм. Видел, как его левое плечо чуть опускается перед ударом, как ци собирается в клинке. Он был на начальном уровне Ядра — сильнее, чем я выглядел. Но я не выглядел. Я был тем, кто я есть.

Он ударил — сверху, тяжело, с расчётом разрубить меня пополам. Я ушёл в сторону, и его клинок рассёк воздух там, где я только что был. Диск подо мной качнулся, и я ответил — коротко, точно, своим мечом. Лезвие полоснуло его по руке. Он взвыл и отшатнулся.

Второй удар он попытался блокировать. Не вышло. Мой клинок прошёл сквозь его защиту, как вода сквозь трещину в камне, и задел плечо. Он закричал — от боли, от ярости — и снова рванулся вперёд, теперь уже без всякой техники, просто с отчаянием обречённого.

Я не стал ждать. Шагнул вперёд, и мой меч описал последнюю дугу. Голова старшего бродяги отлетела в сторону и полетела вниз, в долину, куда уже упали его товарищи.

Тело рухнуло следом.

Ветер стих. Диск подо мной тихо гудел, и его края слабо светились голубым. Я стоял и смотрел вниз, на долину, где скрылись три тела.

— Быстро, — заметил Юэ Хань.

— Они сами выбрали.

— Не оправдывайся. Я не осуждаю. Просто отметил, что ты стал быстрее.

Я не ответил. Съев последнюю среднюю пилюлю восстановления, которая у меня оставалась в сумке, я убрал меч, и подлетел к тому месту, где висели их сумки, — они ещё держались в воздухе, привязанные к поясам, и медленно опускались. Я собрал их все три.

Потом снова поднялся в воздух. Сил теперь хватало, пилюля делала свое дело.

Сумки бродяг были тяжёлыми. Я не стал разбирать их здесь — не место и не время. Просто убрал в свою сумку-хранилище и полетел дальше, на запад, к своей пещере.

Диск шёл ровно. Его скорость была такой, что горы внизу сливались в размытые полосы. Я уже не играл, не нырял в ущелья — просто летел вперёд, и ветер бил в лицо, и впереди, за облаками, ждали белые пики Секты Парящих Журавлей.

Я думал о том, что произошло.

Не о бродягах. Их было не жалко. Они выбрали судьбу в тот момент, когда решили, что могут забрать чужое просто потому, что им захотелось. Таких в этом мире было много. Слишком много. И каждый из них был уверен, что сила на его стороне, пока не встречал кого-то сильнее.

Я думал о другом. О том, что теперь у меня был диск. Настоящий. Быстрый. Такой, что мог унести меня куда угодно — за горы, за моря, в земли, которых не было ни на одной карте. С таким диском я мог бы уйти от любой погони. Мог бы вернуться на Пик Высокого Лотоса за один день. Мог бы добраться до самых далёких закрытых земель, о которых говорили старые свитки.

Это была свобода. Настоящая. Та, которой у меня еще не было в этой жизни.

Я улыбнулся и прибавил ходу.

К вечеру впереди показались знакомые пики. Секта Парящих Журавлей. Белые пагоды, мосты, облака, обвивающие вершины. Над горами кружили журавли, и их крики падали в долину вместе с эхом.

Я сбавил скорость и опустился ниже, к самой земле, чтобы не привлекать внимания. Диск убрал в сумку. Меч достал — не для боя, а для полёта. Так было привычнее. Так было незаметнее.

Я летел к своей пещере и думал о том, что скажу старейшинам. О том, как скрою, что уже прорвался на Ядро. О том, как выторгую лучшие условия. И о том, что война, о которой говорили в городе, рано или поздно доберётся и сюда.

Но я буду к ней готов.

Глава шестая. Город Небесного Озера

Пропуск на Три Луны:

Арка внешних врат встретила меня знакомым холодом камня и запахом горного тумана. Я прошёл под ней, не спеша, ровным шагом — так, как ходит человек, который вернулся с обычной прогулки, а не с войны. Ци я держал спрятанной, как делал ещё в городе, и теперь для всякого, кто смотрел на меня, я был просто практиком высокого уровня Основы, вернувшимся после долгого отсутствия.

Я не успел пройти и двадцати шагов, как навстречу мне вышел мастер Лян Юнь.

Он был всё таким же — немолодой, с аккуратно собранными в узел волосами и спокойным лицом, на котором морщины у глаз выдавали человека, привыкшего смотреть вдаль. Только теперь я чувствовал его иначе. Раньше его аура казалась мне бездонной, как тёмный колодец. Теперь я видел: низкий уровень Ядра. Сила, которую я когда-то почитал за недосягаемую, теперь была мне ровней.

— Вэй Кан! — обрадовался он, и в его голосе было столько искреннего тепла, что я на мгновение даже растерялся. — Живой! А я уж думал, ты снова где-то пропал.

Он подошёл и положил руку мне на плечо — тяжело, по-отечески.

— Давно тебя не видел. Кажется, с самого турнира. А ведь я тебя совсем недавно к мастеру Хэ Цину сопровождал — помнишь? Тогда ты стоял у белых врат, худой, упрямый, и говорил мне, что тебе не нужны лучшие условия, а нужно место, где можно идти вперёд.

Он отступил на шаг и оглядел меня с головы до ног.

— А теперь ты сам уже на высоком уровне Основы. — В его голосе было настоящее удивление. — И, судя по тому, как ровно ты держишь ци, до Ядра тебе осталось совсем немного.

— Стараюсь, мастер.

— Старается он. — Лян Юнь усмехнулся и покачал головой. — Победитель Турнира Пяти Сект, личный ученик старейшины Лань Сюэ, хозяин собственной пещеры на высоком пике — и всё равно «стараюсь». Не скромничай, парень. Секта тобой гордится.

Он говорил искренне. Я видел это по его лицу, по тому, как он смотрел на меня — с той тихой радостью, с которой старые мастера смотрят на молодых, которые оправдали их надежды.

— Только не отлынивай от медитаций, — добавил он, и в его голосе появилась строгость. — Секта дала тебе подарок — собственную пещеру, где ци чище, чем где-либо внизу. Такой чести удостаиваются немногие. Не трать её впустую.

— Я не трачу, мастер.

— Хорошо. — Он кивнул. — Я сам на низком уровне Ядра, и я знаю, как это бывает. Сидишь, сидишь, а стена не поддаётся. Но ты молод, у тебя есть всё — время, силы, наставники. Взойди на Ядро. Взойди поскорее.

Он посмотрел на меня внимательнее, и в его глазах мелькнуло что-то ещё — не просто наставническая забота, а что-то более личное.

— Это прекрасная возможность проявить себя в секте, Вэй Кан. Показать, чего ты стоишь. И отблагодарить её за то, что она тебе дала. Понимаешь?

— Понимаю, мастер, — сказал я. — Обязательно так и поступлю.

Он улыбнулся — удовлетворённо, тепло — и хлопнул меня по плечу.

— Вот и славно. Иди. Отдыхай, медитируй. И не заставляй ждать себя слишком долго.

Я поклонился и пошёл дальше, к тропе, ведущей наверх. Не оглядывался. Но чувствовал его взгляд на спине, пока не скрылся за поворотом.

Он был добрым человеком. Искренним. И он хотел мне добра. Но я знал, что за этой добротой стоит то же, что и за словами старейшин: секта дала мне подарок, и теперь ждёт отдачи. Поскорее взойди на Ядро. Поскорее прояви себя. Поскорее отблагодари.

Я летел к своей пещере и думал о том, что, если бы я встретил на пути ещё кого-нибудь, мне пришлось бы выслушать то же самое ещё раз. Пожелания ускориться. Напоминания о долге. Слова о том, как секта в меня верит. Наглые старикашки, которые зовутся Старейшинами, плетут свою паутину, а молодым потом расхлёбывать.

Я не верил им. Одного раза хватило, не думаю, что эти другие. Мне не хотелось встречать больше никого.

Я поднялся на свой пик, прошёл через защитные печати, и только когда каменная дверь сомкнулась за спиной, позволил себе выдохнуть.

В пещере было тихо и прохладно. Ци текла по стенам ровным, спокойным потоком. Я сел на каменный пол и закрыл глаза.

Полгода.

Максимум полгода. Потом меня начнут гнать поганой метлой, если я не перейду на уровень Ядра. Я знал это. Знал, что старейшины не будут ждать вечно. Что Лань Сюэ, при всей своей симпатии ко мне, не станет прикрывать ученика, который застрял на высоком уровне Основы и не двигается дальше. Что моя пещера, моё место в секте, моё право на ресурсы — всё это держится на одном: на скорости моего роста.

За эти полгода я кровь из носа должен стать сильнее. И быть на среднем уровне Ядра любой ценой.

Я открыл глаза и посмотрел на свою сумку-хранилище. Пора было разобраться с тем, что я забрал у бродяг-смертников.

Я выложил их сумки на каменный пол. Три штуки. Две — от младших, одна — от старшего. Я не стал разбирать всё сразу, а сначала вытряхнул содержимое на пол и разложил по кучкам: камни, травы, всякий хлам.

В двух сумках младших было двести двадцать три малых камня душ и разная трава. Трава была не самой лучшей — обычная, для пилюль на переход на уровень Ядра. Но мне она пригодится. Я как раз собирался варить свои, а тут — готовое сырьё. Меньше искать по лугам и полям.

А вот у старшего было интереснее. Четыреста тридцать пять малых камней душ. Двадцать три продвинутых. Куча хлама — травы, обрывки карт, какие-то кости, — но мне и это сойдёт. И среди всего этого хлама лежала табличка.

Нефритовая. Небольшая, гладкая, с вырезанным на поверхности знаком — три круга, соединённые тонкими линиями. Я взял её в руки, и ци внутри неё отозвалась — тихо, ровно, как ключ, который ждёт своего замка.

— Пропуск, — сказал я вслух.

Табличка-пропуск на острова Трёх Лун.

Я перевернул её. На обратной стороне были вырезаны мелкие символы — имена, даты, какие-то пометки. Я не всё понял, но одно было ясно: это был не просто сувенир. Это был настоящий пропуск. Документ, который открывает двери.

— А вот это интересно, — пробормотал Юэ Хань. — Острова Трёх Лун. Я слышал о них. Говорят, там живут кланы, которые не подчиняются ни одной секте. И у них есть свои закрытые земли.

— Значит, нужно посетить эти острова, — сказал я. — Думаю, там найду много интересного.

Я отложил табличку в сторону и посмотрел на всё остальное.

Итак. План был прост.

Сначала —пару недель медитации. Я буду есть пилюли, которые отобрал у разбойников, варить их траву, делая из неё пилюли для себя, и тоже есть. А потом, собрав энергию и частично подойдя к среднему уровню Ядра, полечу на острова.

Я посмотрел в сумку. Благодаря жуликам у меня скопилось пять тысяч сто тридцать три малых камня и сто тридцать восемь продвинутых камней душ. Неплохо. Совсем неплохо.

Я достал котёл. Разжёг огонь. И начал варить.

Пять дней у котла:

Пять дней я почти не выходил из пещеры.

Травы бродяг были грубыми, собранными наспех, без всякого понимания их свойств. Но я знал своё дело. Я перебирал их, отбрасывал гнилые стебли, отрезал повреждённые корни, и постепенно из кучи хлама получалось что-то стоящее.

Котёл гудел ровно. Огонь под ним горел чисто, без дыма. Я направлял ци в смесь, следя за цветом, за запахом, за тем, как травы отдают свою силу.

К третьему дню я сбился со счёта, сколько партий сварил. К пятому — у меня было восемнадцать пилюль среднего качества и четыре высокого.

Я разложил их на каменном столе. Они слабо светились — средние ровным зелёным светом, высокие — золотистым, с искрами внутри. Хорошие пилюли. Не идеальные, но хорошие. Такие помогут мне собрать ци и подойти к границе среднего уровня Ядра.

Я сел в позу медитации и начал есть их одну за другой.

Ци потекла по меридианам — плотная, тёплая, живая. Она заполняла каналы, расширяла их, укрепляла стенки. Золотое ядро в глубине даньтяня тихо гудело, принимая её, впитывая, как губка воду.

Дни слились в один.

Я не считал часы. Не замечал, когда за окнами пещеры сменялись день и ночь. Только чувствовал, как сила внутри меня растёт — медленно, упорно, как вода, что точит камень.

На десятый день я открыл глаза. Пилюли закончились. Энергии стало значительно меньше, и я начинал чувствовать ее нехватку. Пока еще слабо, но скоро мне придется тратить намного больше сил и времени, чтобы добывать ее.

Ци во мне было много. Очень много. Я чувствовал, что ещё немного — и я подойду к среднему уровню Ядра. Но эта пещера больше не могла дать мне нужного. Её поток, когда-то казавшийся мне бездонным, теперь был для меня как мелкий ручей для большой реки. Я почти перерос её.

Старейшины не знали об этом. По их замыслу, я должен был сидеть здесь и медитировать ближайшие два-три года. Эта пещера должна была стать моим домом на всё это время. Они не предполагали, что я так быстро перерасту её.

Что ж. Тем лучше для меня. Слетаю на острова на пару месяцев, пока еще есть время, пока меня не выгоняют, возьму средний уровень и вернусь сильнее.

Я собрал вещи. Убрал котёл, сложил меч, одел броню, проверил сумку. Всё было на месте. Пора было лететь на острова. Здесь ничего не хочу оставлять. Защитную печать тоже заберу, оставлю только печать секты, она не моя.

Я вышел из медитации, потянулся, размял затёкшие плечи. Тело было лёгким, наполненным силой. Ци шла по меридианам ровно, без рывков. Я чувствовал себя готовым.

И тогда я услышал переливающиеся колокольчики на краю уха.

Кто-то пожаловал снова.

Гостья:

Я замер.

Колокольчики звенели тихо, но отчётливо — тонкий, переливчатый звук, который я уже слышал раньше. Так звенели колокольчики старейшины Лань Сюэ. Её визиты всегда начинались с этого звона.

Я быстро оглядел пещеру. Котёл уже был убран. Меч и диск лежали в сумке. Травы бродяг я переработал, и от них остались только пустые стебли, которые я сжёг. Пустые таблички и склянки лежали в сумке. Всё лишнее было убрано.

Я подошёл к входу и открыл печати.

Старейшина Лань Сюэ, средний уровень Ядра. Она вошла тихо, как всегда. В светло-синем одеянии, расшитом тонкими серебряными нитями. За её спиной едва заметно мерцали крылья духовной энергии, а в воздухе остался холодный аромат высокогорных цветов и снежной воды.

Она огляделась. Её взгляд скользнул по каменным стенам, по нишам, по столу, на котором уже не было ни трав, ни котла.

— Вэй Кан, — сказала она. — Ты вернулся.

— Вернулся, старейшина.

Она посмотрела на меня внимательнее. Долго. Внимательно. Так, как смотрят на человека, который что-то скрывает.

— Собираешься куда-то? Я слышала, ты уходил. Надолго.

— Да, старейшина. Путешествовал. И сейчас собираюсь слетать в город, потом поохотиться.

— Путешествовал. — Она помолчала. — И где же ты был?

Я не стал врать слишком сильно. Ложь должна быть правдоподобной.

— В закрытых землях. Искал травы и материалы для пилюль. Хотел подойти к Ядру.

Лань Сюэ прищурилась.

— И подошёл?

— Подошёл близко, старейшина. Очень близко.

Она смотрела на меня ещё несколько мгновений. Потом медленно кивнула.

— Хорошо, чем скорее создашь Ядро, тем лучше. В городе и на охоте будь аккуратен. — В её голосе не было ни гнева, ни подозрения — только усталость. — Я пришла не для того, чтобы тебя допрашивать. Я пришла предупредить.

Я выпрямился.

— Слушаю.

— Секта Теней Ветра готовится к войне, — сказала она. — Ты, наверное, уже слышал об этом. Они собирают силы против острова Трёх Лун. И они ищут союзников.

Я молчал.

— Наши старейшины обсуждают, как поступить. Война — это риск. Но и возможность. Если мы поможем Трём Лунам, они будут нам должны. Если поможем Теням Ветра — получим долю добычи. — Она помолчала. — Пока решение не принято. Но оно будет принято скоро. И когда это случится, секте понадобятся сильные ученики.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю, старейшина.

— Хорошо. — Она повернулась к выходу, но у порога остановилась. — Вэй Кан.

— Да?

— Ты очень быстро растёшь. Слишком быстро. Это хорошо, но это и опасно. Не забывай, что сила без опыта — это меч без рукояти. Ты можешь поранить себя раньше, чем врага. Будут вопросы, задавай!

Я поклонился.

— Я запомню, старейшина.

Она кивнула и вышла. Колокольчики звякнули в последний раз и стихли.

Я остался один.

В пещере было тихо. За стенами шумел ветер, и где-то далеко кричали журавли. Я стоял и смотрел на закрытую дверь. Война. Значит, вотчто она имела в виду. Секта Теней Ветра против острова Трёх Лун. И моя секта пока не решила, на чью сторону встать.

Я достал табличку-пропуск и посмотрел на неё. Три круга, соединённые тонкими линиями. Острова Трёх Лун.

— Что ж, — сказал я тихо. — Тем более нужно лететь.

Я убрал табличку в сумку, закрыл печати и вышел из пещеры. Над горами занимался рассвет. Небо было чистым, глубоким, и первые лучи солнца золотили снежные шапки дальних вершин.

Я достал диск, камни — они уже были на месте, — и поднялся в воздух. Впереди были острова. Впереди была война. Впереди была сила, которую я должен был обрести любой ценой.

Я вылетел на восток, и ветер бил в лицо, и где-то впереди, за морем облаков, ждал город, стоящий на острове Трех Лун.

Пропуск в город Небесного Озера:

Мысли шли ровно, как вода в спокойном русле.

Старейшины ищут выгоду. Это было ясно ещё там, в пещере, когда Лань Сюэ говорила о войне мягко, обтекаемо, будто о торговой сделке. «Если поможем Трём Лунам — они будут должны. Если поможем Теням Ветра — получим долю добычи». Ни слова о тех, кто будет умирать на этой войне. Ни слова о том, что ученики — это не союзники и не наследники, а расходный материал. Мясо, которое можно бросить на весы, чтобы выторговать себе лишний кусок.

Я знал это. Знал слишком хорошо. Когда-то я сам был таким старейшиной. Сидел в высоком зале, слушал доклады, решал, кого послать, кого придержать, где выгоднее вложиться. И за каждым моим решением стояли люди, которые шли умирать. Я не думал о них. Я думал о секте, о балансе сил, о выгоде. Они были для меня цифрами в отчёте.

Теперь я был цифрой.

Хватит. Наигрался в эти игры. В прошлой жизни я сидел наверху и решал чужие судьбы. В этой — я внизу, и мою судьбу решают другие. Но я не собирался быть расходным материалом. Ни для старейшин, ни для войны, ни для кого.

Пока я летел на диске в сторону островов, я переоделся.

Старые одежды — простые, потёртые, без всяких знаков секты — лежали у меня в сумке на случай, если понадобится стать незаметным. Я снял синюю форму ученика Парящих Журавлей, сложил её аккуратно и убрал. Надел старое. Теперь я был просто бродягой-практиком, каких на дорогах сотни. Никто не станет искать за мной секту. Никто не станет докладывать старейшинам, где я и что делаю.

Я думал о том, как стать сильнее.

К моменту войны я должен быть минимум на высоком уровне Ядра. Это шанс выжить. Иначе убьют. На войне не спрашивают, какие у тебя планы, задумки, знания. Окружат — и убьют. Не посмотрят, что я умею, что помню, что мог бы стать кем-то. Просто мясо, которое не успело вовремя стать сильным.

Средний уровень Ядра в ближайшее время. Это была моя цель. И я летел к ней так быстро, как только мог.

Остров Трёх Лун был большим. Судя по карте, он лежал в море, далеко к востоку, и его берега были изрезаны бухтами и заливами. В центре острова стоял город — Небесное Озеро. Название говорило само за себя: где-то там, в центре, был источник, питающий город. Живая вода, густая ци, что-то, что делало это место особенным.

На подлёте я убрал диск и встал на меч. Так было безопаснее. Диск был слишком заметен, слишком ценен. Меч на плече бродяги никого не удивлял.

Не долетев до города километров двести, я встретил двоих.

Они вынырнули из-за облака — двое практиков в простых дорожных одеждах, но с мечами наголо. Оба — высокий уровень Основы. Один — повыше, с квадратным подбородком и холодными глазами. Второй — помоложе, с усмешкой, которая мне сразу не понравилась.

Они преградили мне путь.

— Ты куда летишь, деревенщина? — спросил первый. — Вход на острова закрыт.

— Война начинается, — добавил второй. — Куда прёшь?

— Предъяви пропуск, если хочешь пролететь, — сказал первый, и они оба подлетели ближе.

Я посмотрел на них. Спокойно.

— Я лечу в город. Хочу посмотреть. Я ещё ни разу там не был.

— Ну раз не был, то и нечего тебе там делать, — усмехнулся второй. — Разворачивайся и вали. Входа нет.

Первый помолчал, будто что-то обдумывая. Потом прищурился.

— Хотя стой. Вдруг ты шпион. Давай-ка покажи сумку. Если ничего нет — отпустим.

Опять эти самые умные. Под видом охраны грабят путников. Классика. Я слишком хорошо знал этот тип. Они не охраняли вход. Они охраняли свою добычу — тех, кто полетит мимо и не сможет дать отпор.

— Может, мы миром разойдёмся? — спросил я.

— Давай выворачивай сумку, — потребовал первый, и его рука легла на рукоять меча.

Ну снова одно и то же. Я выхватил меч.

Первое движение было быстрым — отточенное, не первая голова слетает с плеч. Клинок описал короткую дугу, и голова первого практика отделилась от плеч. Тело ещё мгновение держалось в воздухе, будто не поняло, что уже мертво, а потом рухнуло вниз, в море.

Второй отшатнулся. Его лицо побелело, усмешка исчезла, и в глазах вспыхнул ужас.

— Ты… ты на уровне Ядра! — прохрипел он. — Прости! Я не хотел! Прости!

Он развернулся и рванулся прочь, на мече, так быстро, как только мог.

Я не отпустил его. Он видел меня. Он мог рассказать. Я догнал его в три вздоха, и мой клинок пронзил ему сердце. Он упал молча, без крика, и его тело скрылось в облаках внизу.

Я висел в воздухе и смотрел вниз.

— А ведь можно было разойтись миром, — сказал я тихо. — Что же вам всем не терпится умереть?

Юэ Хань не ответил. Он знал, что я прав.

Я собрал их сумки. В них было немного: пара сотен малых камней, какие-то травы, обрывки карт. И таблички — нефритовые, с именами и данными. Я взял одну, посмотрел. Имя, уровень, принадлежность… И отметка: «стража внешнего кольца». Вторая табличка была такой же. Я оставил камни, двести двадцать три камня, остальное выкинул, кроме табличек, предъявлю в городе.

Я задумался.

Значит, война не за горами. Раз уже начали блокировать въезжающих в город. На дорогах стоят вот такие «стражи», которые на самом деле просто грабят тех, кто послабее. А что будет дальше? Когда начнётся настоящая война, эти же люди станут убивать уже не за сумку, а за то, что ты оказался не с той стороны.

С этими мыслями я полетел дальше.

Город Небесного Озера показался впереди, когда солнце уже клонилось к западу. Он лежал на берегу огромного озера, и его стены поднимались из воды, как продолжение скал. Над городом висел лёгкий туман, и в его глубине угадывались белые пагоды и тонкие шпили.

Меня встретили на подлёте.

Двое воинов в лёгкой броне, с мечами на поясах, вынырнули из-за стены и преградили мне путь. Их аура была спокойной, ровной. Низкий уровень Ядра. Настоящая стража, не чета тем двум.

— Кто такой? «Зачем в город летишь?» —спросил один.

Я молча достал таблички убитых и протянул ему.

Он взял их, посмотрел, нахмурился. Потом передал второму. Они переглянулись.

— Первый раз здесь? — спросил второй.

— Первый.

Он кивнул.

— Тогда сначала отправляйся к коменданту. Возьми у него пропуск. Потом уже занимайся своими делами. Без пропуска тебя никто не пустит дальше внешнего кольца.

— Я так и планировал, — сказал я.

Они посторонились, и я полетел дальше, к городу.

Комендант. Значит, вот как здесь всё устроено. Сначала — пропуск. Потом — дела. Что ж. Я не спешил. Война все-таки впереди. Правила меняются.

Я летел над городом, и внизу проплывали крыши, улицы, каналы. Небесное Озеро было красивым городом. Большим, шумным, живым. Но в его воздухе уже чувствовалась тревога. Люди ходили быстрее, чем обычно. Стражи на стенах было больше. Где-то вдалеке, над озером, кружили птицы, и их крики были резкими, тревожными.

Война приближалась. Я чувствовал её, как чувствуют приближение грозы — по давлению в воздухе, по тому, как стихают птицы, по тому, как люди начинают говорить тише.

Я опустился у ворот комендатуры. Это было большое каменное здание у самой стены, с высокими дверями и окнами, забранными решётками. У входа стояли двое стражей.

— К коменданту, — сказал я. — За пропуском.

Они кивнули и пропустили меня внутрь.

Я вошёл в тёмный коридор, и мои шаги гулко отдавались в тишине. Впереди была дверь. За ней — комендант. Я шёл к нему и думал о том, что теперь я в игре. В настоящей игре, где ставки — жизнь. И я собирался выиграть.

Глава седьмая. Ядра и мечи

Аренда жилья в городе:

Кабинет коменданта был небольшим, но обставленным с той основательной простотой, которая выдаёт человека, привыкшего к порядку. Стол из тёмного дерева, несколько стульев, карта на стене — большая, с нанесёнными на неё островами, проливами и отметками. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, с коротко стриженными седыми волосами и лицом, на котором читалась усталость человека, давно не спавшего спокойно.

Он поднял на меня глаза, когда я вошёл.

— По какому делу?

Я положил на стол две нефритовые таблички и старый пропуск от бродяги.

— Стража внешнего кольца. Преградили путь, потребовали сумку. Я решил вопрос.

Комендант взял таблички, повертел их в руках, посмотрел на имена, потом на пропуск. И перевёл взгляд на меня. В его глазах не было ни удивления, ни осуждения — только холодная оценка.

— Высокий уровень Основы. «Оба», —сказал он. — Ты не выглядишь на того, кто может справиться с двумя сразу.

— Это похвала из ваших уст, — спокойно сказал я.

Он хмыкнул. Потом достал из ящика стола чистую нефритовую табличку, провёл по ней пальцем, и на поверхности проступили тонкие линии.

— Пропуск. Учитывает твои достижения. За каждого практика высокого уровня Основы — десять очков. Итого двадцать. — Он поднял на меня глаза. — Очки можно обменять на вещи или привилегии, которых обычным путём не получить. Здесь, на островах, это валюта не хуже камней душ.

Я взял табличку. Она была прохладной, гладкой, и на её поверхности медленно проступали цифры — двадцать. Мой счёт.

— Я буду стараться, — сказал я.

— Все так говорят. — Комендант вернулся к своим бумагам. — Иди. И не приходи с пустыми руками. Я вышел.

Жильё на Небесном Пике:

Город Небесного Озера поднимался уступами по склону горы, и чем выше ты поднимался, тем дороже было жильё. Это я понял сразу — по тому, как менялись улицы, как становились чище, как стражи на них смотрели не настороженно, а почтительно.

Мне нужно было жильё. Не на одну ночь, а на время. Место, где можно было бы медитировать, варить пилюли, готовиться к охоте. Место с хорошей ци.

Я нашёл его на пятнадцатом уровне Небесного Пика.

Это был целый дом — просторный, с очагом и местом для готовки, с террасой, выходившей на город, и небольшим прудом во дворе. С террасы открывался вид на всё Небесное Озеро — на его крыши, каналы, стены, на озеро в центре, блестевшее в лучах заходящего солнца. Внизу, у подножия горы, копошились люди, сновали лодки, и где-то далеко, за стенами, темнело море.

Я заплатил за три месяца. Тысяча двести малых камней душ. Дорого. На пару уровней ниже такое же жильё стоило восемьсот, и я знал, что переплатил. Но мне нужна была энергия. А здесь её хватало почти для того, чтобы подойти к середине уровня Ядра. У меня оставалось еще четыре тысячи сто пятьдесят шесть малых камней, и я пока не бедствовал. Мог себе позволить.

— Переплатили, — сказал мне администратор, сдававший усадьбы, когда я отсчитывал камни. — Могли бы взять ниже. Там тоже неплохо.

— Мне нужно здесь.

Он пожал плечами. Его дело — сдать в аренду.

Я вошёл в дом и закрыл за собой дверь. Внутри было прохладно и тихо. Ци текла по стенам ровным потоком, и золотое ядро в груди тихо отозвалось на неё. Да, это было то, что нужно.

Я обустроился быстро. Разложил вещи, поставил котёл, проверил защитные печати. Потом вышел на террасу и сел у пруда, глядя на город внизу.

План был прост.

Неделя медитации. Потом — к морю.

Вокруг города и острова лежали десятки освоенных островов — с разными школами, пагодами, садами. А дальше простиралось Серединное море. Огромное. Там водились звери высокого уровня — те, из которых получаются пилюли высокого качества. Иногда даже высочайшего. А мне как раз такие и нужны были для моего ядра.

Я закрыл свой уступ защитной печатью. Активировал её — почувствовал, как вокруг дома поднимается невидимая стена, гасящая звуки и скрывающая ауру. Теперь никто не потревожит.

И начал медитацию.

Неделя тишины:

Первые часы шли тяжело. Я привык медитировать в пещере, где ци была густой и ровной, как вода в глубоком колодце. Здесь она была другой — мягче, но и своенравнее. Она текла не так, как я ожидал, и мне приходилось подстраиваться под неё, искать ритм.

Но я не спешил. Я слишком хорошо знал цену спешки.

Я сидел на каменной плите у пруда, скрестив ноги, и направлял ци по меридианам. Золотое ядро в глубине даньтяня тихо гудело, принимая её. Оно росло — медленно, упорно, как дерево, которое тянется к солнцу.

День за днём.

Я не считал часы. Не замечал, когда за окнами сменялись день и ночь. Только чувствовал, как сила внутри меня растёт — и как стена, отделяющая меня от среднего уровня Ядра, становится всё тоньше.

Иногда я выходил на террасу. Смотрел на город внизу, на озеро, на море вдалеке. Думал о войне. О старейшинах. О том, что ждёт меня, когда я вернусь.

Иногда — варил пилюли. Из тех трав, что забрал у встретивших меня у города бродяг. Их было немного, но хватало, чтобы поддержать медитацию.

На пятый день я почувствовал, что подошёл ближе. Стена внутри меня дрогнула — тонкая, как лёд на весенней реке. Ещё немного, и она треснет.

На седьмой день я открыл глаза.

Ци во мне было много. Очень много. Я чувствовал, что до середины уровня Ядра мне осталось еще немного. Я шел с хорошей скоростью. Правильно заложил основу, каналы у меня на треть шире, техника разрыва и удержания Ци работала, и плюс много съеденных пилюль высокого качества, артефакты и камни душ, все это значительно ускорило процесс. Я не топтался как все практики на месте. Я знал, что делать поэтапно на каждом уровне и шел к этому. Но также чувствовал и другое: здесь, в этом доме, предел — это средний уровень Ядра, больше здесь ци не хватит. Ци было достаточно для медитации, но недостаточно для прорыва на высокий уровень. Ну ладно, буду думать снова.

Вот почему проблема с ци, всегда стоит перед практиком, и как хорошо, когда практик может найти себе место, где на каждом этапе его совершенствования, будет своя терраса на горе, со своим источником ци, подходящим практику.

Пора было к морю.

Я встал, потянулся, размял затёкшие плечи. Тело было лёгким, наполненным силой. Золотое ядро в груди тихо пульсировало, готовое к новому.

Я собрал вещи. Убрал котёл, проверил сумки, достал меч. Всё было на месте. Потом снял защитную печать и вышел на террасу.

Солнце только поднималось над морем. Город внизу просыпался — слышались голоса, скрип лодок, звон колокольчиков. Где-то далеко, над водой, кружили птицы.

Я достал диск, посмотрел на камни в нем, они почти истощились, но их хватит на денек, и поднялся на мече в воздух. Так было безопаснее. Так было незаметнее. Бродяга на мече — обычное дело. Бродяга на диске — уже интересно.

Впереди было Серединное море. Впереди были звери. Впереди была сила, которую я должен был взять. Я летел на восток, и ветер бил в лицо, и где-то впереди, за горизонтом, ждала война.

Но сначала — охота. Я летел к морю.

Серединное море:

Отлетев от города, я пересел на диск. Путешествовать сидя на нем мне понравилось. Меч был уже в тяжесть, нет в нем комфорта. Море открылось внезапно.

Сначала внизу тянулись острова — маленькие, зелёные, с белыми пагодами и садами. Потом они кончились, и впереди раскинулась вода. Огромная. Бескрайняя. Она блестела под солнцем, и её поверхность была неспокойной — волны шли одна за другой, и где-то далеко, у горизонта, темнели тучи.

Я опустился ниже, к самой воде. Здесь ци была другой — солёной, тяжёлой, пропитанной силой моря. Она входила в меридианы без усилий, и золотое ядро тихо гудело, принимая её.

Здесь водились звери. Я чувствовал их — далёкие, глубокие ауры, скрытые под водой. Они были сильны. Очень сильны.

Я выбрал место — небольшую отмель в стороне от торговых путей, — и начал охоту.

Первый зверь вышел из глубины через час.

Он был огромным — длинным, как лодка, с плоской головой и рядами зубов, которые блестели в воде. Морской змей. Низкий уровень Ядра. Он не стал ждать — рванулся вперёд, и его пасть раскрылась, чтобы проглотить меня целиком.

Я ударил мечом. Меч с духом, усиленный ядрами, со всей силы вошёл в его голову, и змей замер. Потом рухнул в воду, и вокруг него расплылось тёмное пятно.

Я вытащил его на отмель и начал разделывать. Ядро — маленькое, тёмное, с синими искрами. Кожа — прочная, с чешуёй, которая могла пойти на броню. Зубы — острые, как иглы.

Хорошая добыча.

К вечеру я убил ещё двоих. К ночи — ещё одного. Ядра я складывал в сумку, и их становилось всё больше. В итоге после охоты у меня было четыре ядра четвертого уровня. Мало.

К утру я почувствовал, что стена внутри меня дрогнула сильнее. Ци от убитых зверей вливалась в меня, и золотое ядро росло, наполнялось, становилось плотнее.

Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Я посмотрел на море. Оно было спокойным, и где-то далеко, у горизонта, темнела полоса берега.

Впереди была война. Но пока — охота. И я продолжал.

Я провёл у моря три дня. Убил еще семерых зверей низкого уровня Ядра и одного — среднего. Его ядро было тяжёлым, пульсирующим, с глубоким синим светом. Такое можно было продать за большие деньги. Или оставить себе. В итоге получилось одиннадцать ядер четвертого уровня и одно пятого.

На пятый день я почувствовал, что стена внутри меня готова скоро рухнуть. Пора, я ждал этого. Я сел на острове, заранее найдя себе место внутри скалы, скрестив ноги, и закрыл глаза. Я перерабатывал животную Ци с помощью живой воды. Процесс шел легко, через боль, вода помогала очищать Ци и делала ее чистой, пригодной для меня. Так перерабатывая ее, я просидел в скале четыре дня и почувствовал, как Ци рванулась по меридианам, и золотое ядро в груди вспыхнуло.

Стена дрогнула. И треснула.

Я открыл глаза. Вокруг меня кружились светящиеся частицы — следы прорыва. Я поднял руку и сжал кулак. Средний уровень Золотого Ядра. А по факту я сейчас на высоком уровне. Еще немного, и я подойду к пику уровня. Я сидел на отмели и смотрел на море. Волны шли одна за другой, и где-то далеко, за горизонтом, ждала война.

Я был почти готов. Почти.

Веер Тысячи Мечей:

Одиннадцать ядер четвёртого уровня и одно пятое.

Я сидел на отмели, разложив их перед собой на плоском камне, и смотрел, как они слабо светятся в утреннем свете. Ядра были тёмными, плотными, с синими искрами внутри — сила моря, застывшая в камне. Хорошая добыча. Но мало.

Мало.

Я знал, что мне нужно. Не просто ядра. Не просто камни. Мне нужна была техника, которая изменит всё.

Я помнил её. Помнил так, как помнят собственное имя — не словами, а телом, дыханием, движением. **Веер Тысячи Мечей**. Техника, которая раскрывала потенциал мечника и создавала формацию из мечей. Одну из сильнейших техник моего времени.

В прошлой жизни я владел ею в совершенстве. Мог поднять в воздух сотни клинков, и они кружили вокруг меня, как стая хищных птиц, и обрушивались на врага со всех сторон одновременно. Сотни. Тысячи. Я мог уничтожить целую армию, не сдвинувшись с места.

Теперь я был слаб. Смешно слаб по сравнению с тем, кем был. Но даже сейчас, на среднем уровне Ядра, я мог использовать до шестидесяти четырёх мечей — если хорошенько потренируюсь. Шестьдесят четыре клинка, кружащих в воздухе, подчинённых моей воле.

Это было много. Очень много.

Против практиков уровня Основы я мог валить их пачками. Против практиков уровня Ядра — тоже. Такой силы не было ни у кого. Ни у кого из тех, кто стоял на среднем уровне Ядра, не было техники, подобной этой. Это была высокая техника. Техника, которую ученикам не дают — не доросли ещё. Техника, за которую старейшины десятилетиями пашут на секту, доказывают свою полезность, надеются, что великие старейшины обратят на них внимание и дадут что-то подобное. И то не факт, что дадут. Скорее откупятся чем-нибудь нестоящим.

Я знал это. Я сам так делал раньше.

Когда-то я был великим старейшиной. И я тоже держал высокие техники при себе, выдавал их только тем, кто был мне полезен, кто был готов годами унижаться и доказывать свою преданность. А остальным — что-нибудь попроще. Чтобы не зазнавались. Чтобы знали своё место.

Ничего не изменилось. Жадность проросла в веках, как сорняк.

Но у меня было то, чего не было ни у кого. Память. Я помнил технику. Помнил её до последней линии, до последнего движения ци. И мне не нужно было никого просить. Мне нужно было только одно — материал.

Для Веера Тысячи Мечей нужны были ядра. И ценные вещи. Шкуры сильных монстров. Как минимум на уровень выше, чем те, что я убивал сейчас. Шестого уровня. А лучше еще выше.

Шестой уровень Ядра. Это было серьёзно. Звери шестого уровня были сильны. Очень сильны. Я знал это — я убил двоих таких, там, в долине, когда дрался с драконом и червем. Но то было с помощью хитрости, а не силы.

Теперь мне нужна была сила. И я собирался её взять. Я убрал ядра в сумку, поднялся на меч и полетел дальше в море.

Поиск:

Море было огромным.

Я летел над водой, и она блестела под солнцем, и волны шли одна за другой, и где-то далеко, у горизонта, темнели тучи. Я чувствовал зверей — их ауры, глубокие и тяжёлые, скрытые под водой. Но большинство из них были слабыми. Четвёртый уровень. Пятый. Мне нужен был шестой.

Я летел долго. Часы. Дни.

Я останавливался на маленьких островах, чтобы отдохнуть, поесть, восстановить ци. Потом снова поднимался в воздух и летел дальше. Всё дальше от берега, всё глубже в море.

На третий день я почувствовал его.

Аура была тяжёлой — плотной, глубокой, как дно океана. Она поднималась из глубины, и от неё дрожал воздух. Шестой уровень. Я чувствовал его сквозь воду, сквозь расстояние, сквозь толщу моря.

Я опустился ниже, к самой воде, и стал ждать. Он вышел через двадцать минут.

Сначала появилась тень — огромная, тёмная, скользящая под поверхностью. Потом вода вспучилась, и он поднялся. Морской дракон. Не тот, что охранял кровь в долине. Другой — меньше, но всё равно огромный, с длинным телом, покрытым тёмно-зелёной чешуёй, с плавниками, похожими на крылья, и головой, увенчанной костяным гребнем.

Он посмотрел на меня. Его глаза были жёлтыми, злыми, и в них не было ни страха, ни любопытства — только голод.

Я выхватил меч. Он атаковал первым.

Его тело рванулось вперёд, и вода взметнулась вокруг него, как стена. Я ушёл вверх, и его пасть сомкнулась там, где я только что был. Он развернулся, и его хвост рассёк воздух — толстый, как ствол дерева, с шипами на конце. Я блокировал мечом, и удар отбросил меня назад.

Он был сильным. Очень сильным.

Я не стал ждать. Я собрал ци в меч, и клинок вспыхнул голубовато-золотым светом. Я ударил — не по телу, а по его тени. Техника рассеивания. Она не убивала, но сбивала с толку, путала ци, заставляла терять ориентацию.

Дракон дрогнул. Его движения замедлились, стали менее точными. Я ударил снова — теперь уже по плавнику, где кожа была тоньше. Клинок вошёл глубже. Кровь брызнула на воду. Дракон озверел и ударил меня хвостом. Я увернулся и снова ударил туда, где текла кровь, где кожа была разорвана предыдущими ударами.

Он взревел еще больше и рванулся вперёд, пытаясь схватить меня. Но скорость уже была не та. Я нырнул под него, скользнул по воде и ударил снизу — по брюху, глубоко вонзив меч. Меч вошёл по рукоять и вспорол брюхо зверя.

Дракон замер. Потом рухнул в воду. Я стоял над ним, тяжело дыша. Руки дрожали, но я был жив.

Я вытащил его на отмель и начал разделывать. Ядро — огромное, тёмно-зелёное, с искрами, которые вспыхивали, как молнии. Шкура — прочная, с чешуёй, которая могла пойти на броню или на формацию. Кости — тяжёлые, крепкие. Всё это было ценно. Ядро шестого уровня.

Я убрал добычу в сумку и полетел дальше.

Три недели охоты:

Три недели я провёл в море.

Я убивал зверей. Одного за другим. Шестого уровня, пятого, снова шестого. Я находил их по ауре, выслеживал, атаковал. Иногда это было легко — зверь не ждал нападения. Иногда — тяжело, и я уходил с ранами, которые залечивал пилюлями и медитацией, и живой водой.

Я накопил двадцать три ядра шестого уровня и сорок одно ядро пятого. Шкуры, кости, плавники, клыки — всё это лежало в моей сумке, и она становилась всё тяжелее.

Ци во мне тоже росла. Золотое ядро наполнялось, становилось плотнее. Я подошёл к середине среднего уровня Ядра и чувствовал, что ещё немного — и я смогу двинуться дальше. Живая вода очень помогала, без нее я бы не смог переработать столько животной ци.

Но главное — я тренировался.

Каждую свободную минуту я отрабатывал движения Веера Тысячи Мечей. Не с мечами — у меня не было столько. С воображаемыми клинками, с нитями ци, которые я тянул в воздухе. Я вспоминал, как это делается, и моё тело вспоминало вместе со мной.

Сначала получалось плохо. Ци рвалась, нити путались, и вместо веера получалась каша. Но я не останавливался. День за днём, ночь за ночью. И постепенно начало получаться.

К концу третьей недели я мог удерживать в воздухе шестнадцать клинков — не настоящих, а созданных из ци. Они кружили вокруг меня, и их лезвия светились голубоватым светом. Шестнадцать. Это было немного. Но это было начало.

Я знал: чтобы использовать настоящие мечи, мне понадобятся настоящие клинки. И деньги. И материалы. Ядра у меня были. Шкуры были. Оставалось найти место, где всё это можно превратить в силу.

Аукцион. Или мастер. Или и то, и другое.

Я вернулся в город Небесного Озера на закате двадцать первого дня.

Возвращение:

Город встретил меня шумом и светом.

Я опустился у ворот, прошёл через стражу — они уже знали меня, кивнули, пропустили. Я шёл по улицам, и внизу копошились люди, сновали лодки, и где-то далеко, над озером, кружили птицы.

Я поднялся на свой уступ, снял защитную печать и вошёл в дом. Внутри было тихо и прохладно. Ци текла по стенам ровным потоком.

Я разложил добычу на полу. Ядра, шкуры, кости. Много. Очень много.

Потом сел и стал думать.

Веер Тысячи Мечей. Мне нужны были мечи. Настоящие. Много мечей. И для этого нужны были деньги — или материалы, которые можно обменять на мечи. У меня были ядра. Шкуры. Кости.

Я мог пойти на аукцион. Или найти мастера, который делает мечи. Или... я мог сделать их сам.

Я знал, как делаются мечи. В прошлой жизни я не раз заказывал их у мастеров, а иногда и сам брал в руки молот. Но для этого нужна была кузница. И время. И материалы.

Я посмотрел на ядра. Шестой уровень. Из них можно было сделать не просто мечи — артефакты. Клинки, которые будут слушаться моей ци, которые будут летать, как живые.

Это было то, что нужно.

Я встал и вышел на террасу. Солнце садилось за море, и небо было алым, как кровь. Где-то далеко, за горизонтом, ждала война. Но пока — мечи. Я знал, с чего начать.

Улица Кузнецов:

Улица Кузнецов в Небесном Озере была не такой, как в других городах.

Здесь не пахло дымом и гарью. Здесь пахло морем — солью, водорослями, свежим ветром. Кузницы стояли у самой воды, и их горны питались не углём, а морской ци. Говорили, что местные мастера умеют ковать клинки, которые не тускнеют от солёной воды и не ржавеют от времени.

Я шёл вдоль улицы, заглядывая в каждую дверь. Искал не просто кузнеца. Искал того, кто сможет понять, что мне нужно. Я нашёл его в конце улицы.

Его мастерская стояла на сваях над водой, и в ней пахло не дымом, а солью и чем-то ещё — острым, металлическим, как запах крови. Над дверью висела вывеска: «Клинки Морского

Ветра». Внутри стоял стол, заваленный инструментами, и горн, в котором горел огонь — не красный, а голубой, как морская вода.

Мастер был старым. Седые волосы, морщинистое лицо, руки, покрытые шрамами от огня и металла. Он посмотрел на меня, когда я вошёл, и кивнул.

— Что нужно бродяге в моей лавке?

Я выложил на стол ядра и шкуры.

— Мечи. Много мечей. Из этого.

Он посмотрел на ядра, на шкуры, и его брови медленно поднялись.

— Шестой уровень. — Он присвистнул. — Где ты это взял?

— В море.

— В море, — повторил он. — И сколько тебе нужно мечей?

— Сколько сможешь сделать. Но не простых. Крепких, артефактных. Чтобы слушались Ци.

Он помолчал, глядя на меня внимательнее.

— Ты не обычный бродяга, — сказал он наконец. — Обычные бродяги не заказывают артефактные мечи. И не приносят ядра шестого уровня.

— Я не обычный бродяга.

Он усмехнулся.

— Вижу. — Он взял одно ядро в руки, повертел, постучал по нему ногтем. — Могу сделать шестнадцать мечей. Не больше. Из этого материала — шестнадцать хороших клинков. Каждый будет слушаться твоей ци. Каждый будет лёгким, как перо, и острым, как бритва.

— Сколько?

— Пять тысяч малых камней за работу. И ещё тысяча за материал, которого у тебя нет. Итого шесть тысяч малых камней духа.

Вот это расценки. А что я хотел, с другой стороны, это же шестнадцать артефактов. Я кивнул.

— Согласен. Когда будет готово?

— Приходи через десять дней.

Я заплатил задаток — четыре тысячи камней — и вышел.

Ожидание:

Десять дней. У меня в сумке осталось сто пятьдесят шесть малых камней душ, я опять чувствую себя нищим. Я сходил на торговую улицу и продал оставшиеся 10 ядер четвертого уровня за две тысячи камней душ. Теперь у меня хватало камней.

Я провёл их в медитации. Ци во мне росла, золотое ядро наполнялось. Я тренировался — теперь уже с воображаемыми мечами, которых становилось всё больше. Двадцать. Двадцать четыре. Тридцать два.

К концу десятого дня я мог удерживать в воздухе тридцать два клинка. Это было вдвое больше, чем в начале. И это было только начало.

Я знал: когда у меня будут настоящие мечи, всё изменится. Я смогу тренироваться по-настоящему. И тогда — тогда я посмотрю, кто посмеет встать у меня на пути.

На десятый день я пришёл в мастерскую. Мастер ждал меня у входа. На столе лежали мечи.

Шестнадцать клинков. Тонких, лёгких, с лезвиями, отливавшими голубым. Они лежали рядами, и от них исходила тихая, ровная сила.

Я взял один в руки. Он был лёгким, почти невесомым. Ци внутри меня отозвалась, и клинок дрогнул — едва заметно, как живой.

— Хорошая работа, — сказал я.

— Отличная, — ответил мастер. — Я вложил в них твои ядра. Потом, когда перерастешь их, ядра можно заменить.

Я поблагодарил мастера и заплатил остаток две тысячи камней. Убрал мечи в сумку. Поклонился и вышел.

Веер:

Я вернулся в свой дом на уступе, закрыл печати и разложил мечи на полу.

Шестнадцать клинков. Плюс мой основной, с духом. Такая сила мне начинала нравиться. Я сел в центре комнаты, скрестив ноги, и закрыл глаза.

Пора было тренироваться. Я поднял в воздух первые мечи. Они дрогнули, качнулись, но остались в воздухе. Потом ещё. И ещё. Я тянул их нитями ци, и они кружили вокруг меня, медленно, осторожно, как дети, делающие первые шаги.

Я не спешил. Я слишком хорошо знал цену спешки. День за днём я тренировался. Мечи кружили вокруг меня, и их становилось всё больше. Восемь, двенадцать, шестнадцать и семнадцать.

На седьмой день я поднял в воздух все семнадцать клинков одновременно.

Они кружили вокруг меня, и их лезвия светились голубым, и воздух дрожал от их движения. Я стоял в центре, и моё сердце билось ровно, и ци текла по меридианам без усилий.

Веер Тысячи Мечей. Пока не тысяча. Пока только семнадцать. Но это было начало.

Я открыл глаза и улыбнулся. Впереди была война. Но теперь у меня было оружие. И я собирался его использовать.

Глава восьмая. Морской дракон

Морская бездна и ядра:

Дом на пятнадцатом уровне Небесного Пика был хорош — просторный, с террасой, с прудом, с видом на город. Но медитировать в нем было бессмысленно. Ци здесь хватало ровно на то, чтобы поддерживать форму, не давая мне скатиться назад. Для движения вперед нужен был источник на порядок мощнее.

А еще мне нужны были камни.

Шестнадцать мечей обошлись мне в шесть тысяч малых камней душ. Я заплатил их с легким сердцем, зная, что это вложение окупится сторицей. Но теперь в сумке осталось сто пятьдесят шесть малых камней, сто тридцать восемь продвинутых. Для аукциона этого было мало. Для нормальной жизни — тем более.

Я сидел на террасе, смотрел, как солнце садится за море, и думал.

Лучшее средство заработать здесь, на островах, — это ядра. Морские звери водились в изобилии, и их ядра ценились высоко. Ядра шестого уровня шли за тысячи малых камней. Ядра седьмого — за десятки тысяч. Если я хотел пополнить запасы и подготовиться к войне, мне нужно было море.

Я спустился в город, чтобы уточнить насчет аукциона.

Улица Торговых Пагод встретила меня привычным шумом — зазывалы, лотки, запах жареной рыбы и специй. Я нашел распорядителя аукционного дома, немолодого мужчину с усталыми глазами и вечной книгой в руках.

— Когда следующий аукцион? — спросил я.

Он поднял на меня глаза, полистал страницы.

— Через неделю. В Зале Небесной Звезды. Приносите лоты за день до начала.

Неделя. Этого времени мне хватало, чтобы слетать в море, набрать добычи и вернуться. Я кивнул, поблагодарил его и вышел.

Дома я собрал вещи. Проверил мечи — шестнадцать клинков лежали в сумке-хранилище, легкие, голубоватые, готовые к бою. Проверил диск — восемь продвинутых камней, которые я вставил в него еще в прошлый раз, почти истощились. Их хватило бы на день-два полета, не больше.

Я заменил камни. Достал из сумки восемь новых продвинутых, вложил их в гнезда диска. По краям побежала светящаяся линия, и диск тихо загудел, оживая. Теперь у меня было дней пять, может, шесть, прежде чем камни снова начнут тускнеть.

Я поднялся в воздух еще до рассвета.

Пять дней над морем:

Первые два дня ничего не происходило.

Я летел над водой, и море подо мной былоспокойным, почти мирным. Волны катились одна за другой, и где-то далеко, у горизонта, темнели тучи. Я чувствовал зверей — их ауры, глубокие и тяжелые, скрытые под водой. Но большинство из них были слабыми. Четвертый уровень. Пятый. Мне нужен был шестой.

— Ты уверен, что стоит тратить на это время? — спросил Юэ Хань. Его голос звучал в моей голове ровно, без эмоций, но я чувствовал в нем легкую насмешку. — Мы могли бы просто продать пару техник и жить спокойно месяц.

— Спокойно — это не про меня, — ответил я. — И потом, техники — это слишком заметно. Ядра — нет.

— Резонно. Но учти: шестой уровень — это не пятый. Они умнее. Быстрее. Некоторые из них уже начинают понимать, что такое страх.

— Тогда я буду их учить.

Дух хмыкнул и замолчал.

Первый попался на второй день — морской змей, длинный, как лодка, с плоской головой и рядами зубов. Он не ждал, рванулся вверх, и его пасть раскрылась, чтобы проглотить меня. Я ударил мечом. Клинок вошел в его голову, и змей замер, а потом рухнул в воду, и вокруг него расплылось темное пятно.

— Неплохо, — заметил Юэ Хань. — Но мог бы и чище. Ты ударил вскользь.

— Он двигался.

— Все двигаются. Это не оправдание.

Я вытащил змея на отмель. Ядро было маленьким, темным, с синими искрами. Шестой уровень. Я убрал его в сумку.

Второй попался на третий день. Третий — на четвертый. Я убивал их одного за другим, и с каждым разом это становилось все легче. Я привыкал к их повадкам, к их движениям, к тому, как они атакуют. Я знал, куда бить, чтобы убить быстро, и куда — чтобы просто ранить и выиграть время.

— Ты становишься лучше, — сказал Юэ Хань после четвертого. — Еще пара недель такой охоты, и ты будешь убивать их не задумываясь.

— У меня нет пары недель. У меня есть пять дней.

— Тогда не трать их впустую.

К концу пятого дня у меня было тринадцать ядер шестого уровня. Этого было достаточно, чтобы покрыть расходы на мечи и еще остаться с прибылью. Я мог возвращаться.

Я летел обратно, и настроение было почти хорошим. Море блестело под солнцем, ветер дул в лицо, и диск подо мной шел ровно и плавно. Я думал о том, что скажу на аукционе, как выставлю ядра, сколько запрошу. Думал о войне, которая приближалась, и о том, что теперь у меня есть шанс.

И тут я почувствовал его.

Бездна:

Аура была тяжелой. Не просто глубокой, как у зверей шестого уровня, а давящей, плотной, как дно океана. Она поднималась из глубины, и от нее дрожал воздух. Я почувствовал ее сквозь воду, сквозь расстояние, сквозь толщу моря.

Я остановился.

Седьмой уровень. Пик высокого уровня Ядра. Почти Зародыш.

— Не вздумай, — тихо сказал Юэ Хань. В его голосе не было насмешки. Только холодная, трезвая оценка. — Это не шестой уровень. Это пик. Еще немного, и он начнет говорить. Еще немного, и он начнет думать, как человек. Ты не готов.

— Может быть, — ответил я. — Но я хочу проверить мечи.

— Мечи — это металл. Ты — это жизнь. Не путай.

Я не ответил. Я смотрел на воду, и вода смотрела на меня.

Он вышел из глубины.

Дракон:

Сначала появилась тень — огромная, темная, скользящая под поверхностью. Она была длинной, как река, и широкой, как улица. Вода над ней вспучилась, пошла кругами, и эти круги расходились все дальше, все шире, пока не достигли меня.

Потом он поднялся.

Сначала показалась голова. Она была вытянутой, узкой, как у змеи, но тяжелой, как у ящера. Костяной гребень венчал ее, и на этом гребне росли шипы — неровные, острые, как обломки скал. Глаза были желтыми, огромными, и в них светился ум. Не звериный, не инстинктивный — именно ум. Он смотрел на меня, и я чувствовал, что он оценивает. Взвешивает. Решает.

Его тело поднялось следом. Оно было покрыто чешуей — темно-синей, почти черной, и каждая пластина была размером с ладонь. Чешуя блестела, как мокрый камень, и по ней пробегали тонкие линии, похожие на трещины. Из этих трещин сочился слабый голубой свет — не отражение, а именно свет, идущий изнутри. Словно под чешуей горело море.

Плавники распахнулись за его спиной — широкие, перепончатые, похожие на крылья летучей мыши, но сделанные из чего-то более прочного. Они были порваны в нескольких местах, и шрамы на них говорили о прошлых битвах. Он был старым. Очень старым. Он жил в этих водах дольше, чем существовали некоторые секты.

Его хвост поднялся из воды последним. Он был толстым, как ствол древнего дерева, и на конце его росли шипы — длинные, изогнутые, как когти. Когда он двигался, эти шипы рассекали воздух с тихим свистом, и звук был неприятным, как скрежет металла по стеклу.

Он не ревел. Не бросался сразу. Он просто висел в воздухе, и его аура давила на меня, как каменная плита на грудь. Я чувствовал его ци — плотную, тяжелую, как дно океана. Она текла вокруг него, и от нее дрожал воздух.

— Красивый, — тихо сказал Юэ Хань. — И опасный. Очень опасный. Ты уверен?

— Нет, — ответил я. — Но отступать поздно.

Дракон склонил голову набок. Его желтые глаза сузились. Он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, чего не было у зверей шестого уровня. Любопытство. Он никогда не видел такого, как я. Маленького. Слабого. Но с мечами, которые светились голубым.

Он атаковал первым.

Бой:

Его тело рванулось вперед, и вода взметнулась вокруг него, как стена. Я ушел вверх, и его пасть сомкнулась там, где я только что был. Он развернулся, и его хвост рассёк воздух — толстый, как ствол дерева, с шипами на конце. Я блокировал мечом, и удар отбросил меня назад. Рука онемела.

— Влево! — крикнул Юэ Хань. — Он готовит второй удар!

Я ушел влево. Хвост прошел там, где я был секунду назад, и воздух дрогнул от его движения. Дракон взревел — не от ярости, а от разочарования. Он ожидал, что я умру с первого удара.

Я послал вперед мечи. Шестнадцать клинков рванулись к нему, и их лезвия светились голубым. Они ударили одновременно, с разных сторон, и он взревел — теперь уже от боли. Чешуя на его боку треснула, и темная кровь брызнула в воздух.

Но он не остановился.

Он развернулся, и его хвост снова рассёк воздух. Я ушел в сторону, но недостаточно быстро. Шипы задели плечо, и я почувствовал, как кровь течет по руке. Больно. Но терпимо.

— Он учится, — сказал Юэ Хань. — Смотри, как он двигается. Он запоминает твои мечи. Он ищет их слабое место.

Я видел. Дракон больше не бросался в лоб. Он кружил, уходил от моих мечей, искал брешь в их строю. Он был умен. Слишком умен для зверя.

Я отступил. Мечи кружили вокруг меня, и их лезвия светились голубым. Я тянул их нитями ци, и они слушались — не так, как в тренировке, а по-настоящему, в бою. Они атаковали снова, и снова, и снова. Каждый удар оставлял на его теле тонкие порезы, и кровь текла по его чешуе.

Но он был быстрее, чем я думал. И умнее.

Он ударил снова. На этот раз не хвостом, а всем телом. Я не успел уйти. Удар отбросил меня назад, и я почувствовал, как что-то хрустнуло в груди. Ребра. Боль пронзила тело, и на мгновение я потерял контроль над мечами.

Они дрогнули в воздухе. Опустились.

Дракон рванулся вперед, чтобы добить.

— Пилюлю! — рявкнул Юэ Хань. — Сейчас!

Я достал пилюлю. Одну из шести пилюль среднего уровня, которые я держал для обмена. Проглотил. Тепло разлилось по телу, и боль отступила. Ребра не срослись, но я снова мог двигаться.

Мечи поднялись.

Перелом:

Я не стал ждать. Я собрал ци в меч — основной меч, с духом, — и клинок вспыхнул голубовато-золотым светом. Я ударил. Не по телу, а по его тени. Техника рассеивания. Она не убивала, но сбивала с толку, путала ци, заставляла терять ориентацию.

Дракон дрогнул. Его движения замедлились, стали менее точными.

— Хорошо, — сказал Юэ Хань. — Теперь бей. Все мечи. В бок. Там, где чешуя треснула.

Я ударил. Шестнадцать клинков вонзились в его бок, в шею, в плавники. Кровь брызнула фонтаном. Дракон взревел и рванулся назад. В его глазах больше не было ума — только ярость и боль.

Он ударил хвостом, и я снова отлетел, но на этот раз удержался. Мечи кружили вокруг меня, и я тянул их нитями ци, не давая упасть.

Еще одна пилюля. Еще одна. Я чувствовал, как они растворяются внутри, как ци наполняет меридианы, как боль отступает. Я знал, что трачу их слишком быстро. Знал, что их у меня всего шесть. Но жизнь была дороже.

— Ты тратишь слишком много, — заметил Юэ Хань. — Еще две, и ты останешься без запаса.

— Я знаю.

— Тогда заканчивай быстрее.

Дракон атаковал снова, и я снова ударил. Мечи вонзились в него, и он заревел. Кровь текла по его чешуе, и вода вокруг него становилась красной. Он слабел. Я видел это по его движениям, по тому, как его аура тускнела.

И он понял это тоже.

Погоня:

Он развернулся и рванулся вниз, к воде. Он хотел уйти. Хотел нырнуть в глубину, где я не смогу его достать. Где он сможет залечить раны и вернуться.

— Он уходит! — крикнул Юэ Хань. — Не дай ему нырнуть!

Я рванул за ним на диске. Диск был быстрее — ненамного, но быстрее. Я чувствовал, как ветер бьет в лицо, как вода приближается. Дракон был уже почти у поверхности, его тело изогнулось для нырка.

— Ближе! — рявкнул Юэ Хань. — Еще немного!

Я вложил всю ци в меч и метнул его.

Клинок вошел в его голову, прямо в основание черепа. Дракон замер. Потом его тело обмякло и рухнуло в воду, подняв волну, которая окатила меня с головой.

Я остановился. Висел в воздухе, тяжело дыша, и смотрел на воду, где скрылось его тело.

— Метр, — тихо сказал Юэ Хань. — Ему не хватило метра.

— Я знаю.

— Если бы он успел — ты бы его не достал. В воде он быстрее. В воде он дома.

— Я знаю.

— Тебе повезло.

Я не ответил. Я смотрел на воду и думал о том, что везение — это не стратегия. Мне нужно было стать сильнее. Намного сильнее.

Добыча:

Я вытащил его на отмель. Тело было тяжелым — очень тяжелым. Я вытаскивал его почти час, и когда закончил, руки дрожали от усталости.

Я сел рядом и посмотрел на него.

Он был огромным. Длинное тело, покрытое темно-синей чешуей, которая слабо блестела даже мертвой. Плавники, похожие на крылья, были порваны в нескольких местах. Костяной гребень на голове треснул от моего меча.

Я достал нож и начал разделывать.

Ядро было в его груди — огромное, темно-синее, с искрами, которые вспыхивали, как молнии. Седьмой уровень. Я вырезал его осторожно, завернул в ткань и убрал в сумку.

Потом собрал чешую — крупные пластины, темные, с синим отливом. Из них можно было сделать броню или укрепить мечи. Кости — тяжелые, крепкие. Плавники — тонкие, но прочные, они могли пойти на формации.

— Хорошая добыча, — заметил Юэ Хань. — Ядро седьмого уровня. Такое на аукционе уйдет за десятки тысяч.

— Я знаю.

— Тогда не сиди. До аукциона два с половиной дня. Ты успеваешь.

Я кивнул, поднялся на диск и полетел обратно, к городу.

Возвращение:

Город Небесного Озера показался на закате дня.

Я спустился у ворот, прошел через стражу — они уже знали меня, кивнули, пропустили. Я шел по улицам, и внизу копошились люди, сновали лодки, и где-то далеко, над озером, кружили птицы.

Я поднялся на свой уступ, снял защитную печать и вошел в дом. Внутри было тихо и прохладно. Ци текла по стенам ровным потоком.

Я разложил добычу на полу. Ядра шестого уровня — семь штук. Ядро седьмого — одно, огромное, пульсирующее, с глубоким синим светом. Чешуя, кости, плавники. Много. Очень много.

Я сел и стал думать.

Аукцион был через день. Я мог выставить ядра шестого уровня — они уйдут за хорошую цену. Ядро седьмого уровня я мог оставить себе. Или продать. Или обменять на что-то более ценное.

— Ты не думаешь о главном, — сказал Юэ Хань.

— О чем?

— О том, что тебе нужно расти. Средний уровень Ядра — это не потолок. Это даже не половина пути. Тебе нужен высокий. Потом пик. Потом Зародыш.

— Я знаю.

— Тогда не трать время на аукцион. Продай ядра, купи ресурсы, и вперед. Медитируй. Тренируйся. Становись сильнее.

Я усмехнулся.

— Ты прав. Но сначала — аукцион. Мне нужны камни. И мечи.

Подготовка к аукциону:

День до аукциона пролетел быстро.

Я провел его в медитации. Ци во мне росла, золотое ядро наполнялось, становилось плотнее. Я чувствовал, что подошел ближе к высокому уровню — но не настолько, чтобы прорываться. Еще немного.

Я также тренировался. Веер Тысячи Мечей — теперь с настоящими мечами. Шестнадцать клинков кружили вокруг меня, и их лезвия светились голубым. Я тянул их нитями ци, и они слушались — не так, как в первый раз, а по-настоящему. Они двигались плавно, точно, как продолжение моей руки.

— Неплохо, — сказал Юэ Хань, наблюдая за тренировкой. — Но ты слишком напряжен. Мечи чувствуют твою тревогу. Они дрожат.

— Они не дрожат.

— Дрожат. Смотри на левый. Он качается.

Я посмотрел. Левый меч действительно качался — едва заметно, но качался.

— Расслабься, — сказал Юэ Хань. — Мечи — это не враги. Это продолжение тебя. Если ты напряжен — они напряжены. Если ты спокоен — они спокойны.

Я выдохнул и попробовал расслабиться. Мечи дрогнули и выровнялись.

— Лучше, — сказал Юэ Хань. — Еще пара месяцев тренировок, и ты сможешь удерживать тридцать два. Может, больше.

— У меня нет пары месяцев. У меня есть война.

— Тогда тренируйся быстрее.

Я усмехнулся и продолжил. Я собрал добычу и пошел в Зал Небесной Звезды.

Зал Небесной Звезды:

Зал стоял в глубине квартала, окруженный высокими фонарями из белого нефрита. Его крыша была выгнута, как крылья огромной птицы, а перед входом горели два ряда синих огней. Люди входили внутрь группами и поодиночке — торговцы в дорогих одеждах, практики с мечами, монахи, молодые ученики сект.

Я вошел вместе с ними.

У входа меня встретил управляющий — тот же, что и в прошлый раз. Немолодой, с длинной седой бородой и спокойным лицом человека, который видел на этих торгах всё.

— Выставить лоты? — спросил он, не поднимая глаз от книги.

— Да. Семь ядер шестого уровня одним лотом.

Остальные шесть ядер я оставлю пока у себя, подумал я. Он поднял на меня глаза. Долго смотрел. Потом кивнул.

— Хорошо. Записываю. Условия стандартные: десять процентов с продажи. Приходите к началу. Вот маска.

Он дал мне маску — гладкую, черную, с прорезями для глаз. Я надел ее и вышел в город.

Ожидание:

До аукциона оставалось несколько часов.

Я ходил по городу, ел, слушал разговоры. Я не мог сидеть на месте. Слишком много мыслей было в голове.

— Ты нервничаешь, — сказал Юэ Хань.

— Нет.

— Нервничаешь. Я чувствую. Твоя ци неспокойна.

— Это не нервы. Это предвкушение.

— Называй как хочешь. Но не забывай: аукцион — это не бой. Здесь не нужно быть быстрее или сильнее. Здесь нужно быть умнее.

— Я знаю.

— Тогда не делай глупостей.

Я усмехнулся и пошел дальше.

Я думал о технике воды. О том, как она выглядела — от ручья до цунами. О том, как она текла, как она била. Я запоминал ее, и теперь она была во мне — не полностью, но достаточно, чтобы попробовать. Когда-нибудь. Когда буду готов.

Я думал о броне. Темно-синяя, с серебристым отливом, легкая, прочная. Она защитила меня от ударов зверя. Я думал о войне. О том, что она приближается. О том, что она может изменить всё. И я думал о себе. О том, кем я был. О том, кем я стал. О том, кем я хочу быть.

Я остановился у фонтана в центре площади и посмотрел на воду. Она текла — тихо, спокойно, — и в ней отражалось небо.

— Ты готов? — спросил Юэ Хань.

— Готов.

— Тогда идем.
Я повернулся и пошел к Залу Небесной Звезды. Аукцион начинался.

Глава девятая. Аукцион

Аукцион:

Зал Небесной Звезды встретил меня прохладой и запахом благовоний. Я поднялся по широкой лестнице, стараясь не смотреть по сторонам, и занял место в одной из верхних лож. Полупрозрачная занавесь скрывала моё лицо от чужих взглядов, но я всё равно чувствовал себя неуютно. Слишком много глаз. Слишком много сильных аур.

Я надел чёрную маску, которую мне выдали у входа. Она была гладкой, почти невесомой, с прорезями для глаз, и плотно прилегала к лицу. Теперь я был просто безымянным практиком, одним из многих. Никто не знал, кто я. Никто не знал, что у меня в сумке.

Постепенно зал заполнялся. Я смотрел вниз, и с каждым новым гостем моё внутреннее напряжение росло. Здесь были не просто торговцы и практики. Здесь были военные. Я узнал их по выправке, по тому, как они держались — прямо, собранно, без лишних движений. Их было много. Они занимали целые ряды внизу, и их лица были серьёзными, почти суровыми.

«Война, — подумал я. — Они готовятся к войне. Скупают ингредиенты для армии. Усиливают её.»

Это было логично. Если секта Теней Ветра собирается напасть на острова Трёх Лун, то острова будут готовиться к обороне. А для обороны нужны ресурсы. Пилюли. Оружие. Артефакты. Всё, что можно было купить, они собирались купить.

Я видел, как военные переговариваются, как они изучают лоты, как они считают в уме. Они не торговались азартно, как богачи. Они торговались расчётливо, как люди, которые знают цену каждой монете. И это делало их опасными.

Наконец зал заполнился до отказа. Свободных мест почти не осталось. Люди стояли вдоль стен, сидели на ступенях, и даже в ложах, подобных моей, угадывались силуэты. Воздух стал плотным, тяжёлым. Пахло благовониями, потом и деньгами.

Управляющий дома аукциона вышел на середину зала. Он был высоким, с длинной седой бородой и спокойным лицом человека, который видел на этих торгах всё: и радость, и разочарование, и жадность. Он поднял руку, и зал затих.

— Уважаемые гости, — произнёс он, и его голос, усиленный духовной силой, разнёсся по всему залу. — Прежде чем мы начнём, я хочу напомнить вам о правилах нашего аукциона. Традиционно расчёт происходит в продвинутых камнях душ. Курс — сто малых камней за один продвинутый. Это фиксированный курс, и он не меняется.

Он сделал паузу, обводя взглядом зал.

— Я вижу среди нас много новых лиц. Поэтому говорю для всех: если вы не подготовились, если у вас нет достаточного количества продвинутых камней, вы можете покинуть зал сейчас. Это не позор. Это разумно. Потому что на наших торгах цены могут быть... неожиданными.

По залу прокатился тихий шёпот. Кто-то засмеялся. Кто-то покачал головой. Но никто не вышел.

— Итак, — продолжил управляющий, — напутствие стандартное. Не горячитесь. Не тратьте больше, чем можете. И помните: то, что вы покупаете сегодня, может спасти вам жизнь завтра. Или не спасти. Это зависит от вас.

Он ещё раз обвёл взглядом зал, и его глаза на мгновение задержались на моей ложе. Я не дрогнул. Я знал, что он не видит меня. Просто чувствует.

— Аукцион начинается, — сказал он, и его голос окреп. — Первый лот!

Служители вынесли на сцену длинный свёрток, завёрнутый в тёмную ткань. Управляющий взял его, развернул, и в воздухе блеснул меч. Он был длинным, узким, с клинком, отли-

вавшим мертвенно-бледным светом. Кость. Не металл. Но что-то в этом мече было не так. Что-то, от чего по залу прокатился вздох.

— Меч из кости магического животного седьмого ранга, — произнёс управляющий. — Почти неразрушимый. Способен рассекать камень, как масло. Не требует ци для активации. Простое, надёжное оружие для тех, кто ценит долговечность. Начальная цена — десять продвинутых камней.

Зал загудел.

«Десять камней, — подумал я. — Неплохо для старта. Но...»

Я смотрел на меч и чувствовал, как внутри поднимается знакомое чувство. Я знал этот тип оружия. Знал его сильные стороны и его слабости. И я знал главное: ничего не разрушимого не бывает. Это был обман. Красивый, хорошо продаваемый обман.

Кость магического животного седьмого ранга была крепкой. Очень крепкой. Она могла выдержать удар, который сломал бы обычный стальной клинок. Могла рассечь камень. Могла прослужить сотни лет. Но стоило ей встретиться с другим таким же крепким артефактом — или с чем-то, что превосходило её по силе, — и она трескалась. Ломалась. Превращалась в бесполезные обломки.

Я знал это из прошлой жизни. Я видел, как практики, купившиеся на красивые слова, оставались с пустыми руками в самый неподходящий момент. Я видел, как они умирали, потому что верили в рекламу.

По мне, так это было деньгами на ветер.

Но торги уже начались.

— Пятнадцать! — крикнул кто-то из нижних рядов.

— Двадцать!

— Двадцать пять!

— Тридцать!

Цена росла быстро. Я видел, как люди поднимают таблички, как они переговариваются, как они спорят. Меч был хорош. Очень хорош. Для тех, кто не знал его слабостей, он казался идеальным оружием.

— Сорок!

— Сорок пять!

— Пятьдесят!

Я смотрел и качал головой. Пятьдесят продвинутых камней. Это было пять тысяч малых. За меч, который мог сломаться в любой момент. Безумие.

Но торги продолжались.

— Шестьдесят!

— Семьдесят!

— Восемьдесят!

Наконец цена остановилась на восьмидесяти пяти. Молоток опустился, и меч ушёл к какому-то богачу в нижних рядах. Я не видел его лица, но видел, как он довольно кивает. Он думал, что сделал выгодную покупку. Он думал, что теперь у него есть оружие, которое не подведёт.

Он ошибался. Но это было его дело. Его деньги. Его жизнь.

«Восемьдесят пять камней, — подумал я. — Неплохо для продавца. Очень неплохо.»

Аукцион тем временем продолжался.

Служители вынесли следующий лот — небольшую стеклянную колбу, в которой лежало что-то, светившееся мягким зелёным светом. Управляющий взял колбу, поднял её, и по залу разнёсся густой, сладкий аромат. Он был настолько сильным, что я почувствовал его даже в своей ложе, сквозь занавесь и маску.

— Редкое растение высокого уровня, — произнёс управляющий. — Возраст — тысяча лет. Собрано в закрытых землях. Обладает уникальными свойствами: очищает меридианы, укрепляет ядро, продлевает жизнь. Используется в пилюлях высочайшего качества. Начальная цена — пятьдесят продвинутых камней.

Зал ахнул.

Тысяча лет. Высокий уровень. Уникальные свойства. Это было сокровище. Настоящее сокровище. Я знал такие растения. Знал, как они редки, как трудно их найти, как дорого они стоят. В прошлой жизни я бы, наверное, сам принял участие в торгах. Но сейчас... сейчас у меня не было таких денег. И не было нужды.

Торг начался сразу.

— Сто! — крикнул кто-то.

— Сто пятьдесят!

— Двести!

— Двести пятьдесят!

Цена росла, как на дрожжах. Я видел, как люди встают с мест, как они кричат, как они размахивают табличками. Растение было нужно всем. Каждому практику. Каждому мастеру. Каждому, кто хотел жить дольше и быть сильнее.

— Триста!

— Триста пятьдесят!

— Четыреста!

Молоток опустился.

— Продано за четыреста продвинутых камней.

Я медленно выдохнул.

«Четыреста камней, — подумал я. — Сорок тысяч малых. За одно растение. Это... это безумие. Или нет?»

Я вспомнил, сколько стоили мои ядра. Семь ядер шестого уровня — и я надеялся выручить за них хотя бы несколько сотен. А здесь одно растение ушло за четыреста. Может, я недооценивал рынок?

«Нет, — решил я. — Просто это особенное растение. Тысяча лет. Высокий уровень. Такие вещи на дороге не валяются.»

Аукцион продолжался.

Следующим лотом было ещё одно растение — похожее, но чуть менее ценное. Его продали за двести пятьдесят. Потом вынесли пилюли для высоких рангов — целый набор, в красивой шкатулке. Их скупили военные, не торгуясь, за двести пятьдесят камней. Они даже не смотрели на цену. Просто заплатили и забрали.

«Вот оно, — подумал я. — Вот как выглядит война. Люди, которые знают, что скоро будут умирать, и готовы платить любые деньги за шанс выжить.»

Потом выставили питомца — белоснежного грифона.

Он сидел в клетке из тонких серебряных прутьев, и его перья светились в свете ламп. Он был красивым. Очень красивым. Гордым. Его глаза смотрели на зал с презрением, как будто он знал, что он лучше всех здесь.

— Молодой грифон, — произнёс управляющий. — Выращен в неволе. Приручён. Подходит для полётов и разведки. Верен хозяину. Начальная цена — двести продвинутых камней.

Я смотрел на грифона и чувствовал, как внутри поднимается странное желание. Он был прекрасен. Быстр. Силён. С таким питомцем я мог бы летать куда угодно, не тратя камни на диск. С таким питомцем я мог бы...

«Нет, — остановил я себя. — У тебя есть диск. Он быстрее. Он надёжнее. И он не требует еды и ухода.»

Но желание осталось. Я смотрел, как богатая женщина в белых одеждах поднимает табличку, как она торгуется, как она побеждает. Грифон ушёл за пятьсот пятьдесят камней.

«Богатая, — подумал я. — Очень богатая. И, судя по её ауре, не просто богатая, а сильная. Интересно, кто она?»

Я не стал выяснять. Это было не моё дело.

Потом вынесли что-то странное.

Сначала я не понял, что это. Небольшая шкатулка, украшенная резьбой. Управляющий открыл её, и в зале стало тихо. Внутри, на бархатной подушке, лежала пилюля. Она была маленькой, круглой, и светилась мягким розовым светом.

— Пилюля красоты и здоровья, — произнёс управляющий, и в его голосе появилась едва заметная усмешка. — Уникальный состав. Восстанавливает молодость кожи, укрепляет здоровье, продлевает жизнь на десять лет. Начальная цена — сто продвинутых камней.

И тут началось.

Я никогда не видел ничего подобного. Женщины в зале — а их было много, очень много — вскочили с мест одновременно, как будто их подбросило. Они кричали, размахивали табличками, толкали друг друга. Я видел, как пожилая женщина в дорогих одеждах схватила за руку молодую девушку и что-то ей прошипела. Я видел, как две женщины в белых одеждах чуть не подрались.

— Сто пятьдесят! — крикнула одна.

— Двести!

— Триста!

— Четыреста!

Управляющий пытался успокоить зал, но его голос тонул в общем гвалте. Я сидел в своей ложе и смотрел на это безумие, не веря своим глазам.

«Пилюля красоты, — думал я. — Они дерутся за пилюлю красоты. За то, чтобы выглядеть моложе. За то, чтобы жить дольше. За...»

Я не понимал. Я никогда не понимал этого. В прошлой жизни я видел, как люди тратят состояния на подобные вещи, и всегда считал их глупцами. Красота — это не то, что можно купить. Здоровье — это то, что нужно зарабатывать медитацией и дисциплиной. А продление жизни... продление жизни было возможно и без пилюль. Просто нужно было стать сильнее.

Но эти женщины не хотели становиться сильнее. Они хотели быть красивыми. Они хотели жить дольше. И они были готовы платить за это любые деньги.

— Пятьсот!

— Шестьсот!

— Семьсот!

Цена росла, и я видел, как некоторые женщины начинают плакать. Они не могли себе позволить такую цену. Они знали это. Но они всё равно кричали, всё равно поднимали таблички, всё равно надеялись.

— Восемьсот!

— Девятьсот!

— Девятьсот пятьдесят!

Наконец управляющему удалось восстановить порядок. Он поднял руку, и зал затих. Медленно, неохотно, но затих.

— Девятьсот девяносто продвинутых камней, — произнёс он. — Продано.

Я чуть не упал со стула.

Девятьсот девяносто камней. Девяносто девять тысяч малых. За одну пилюлю. За то, чтобы выглядеть моложе и жить на десять лет дольше.

«Вот где деньги, — подумал я. — Вот где настоящие деньги. Не артефакты. Не травы. Не ядра. Пилюли красоты. И всё, ты богач.»

Я посмотрел на женщину, которая купила пилюлю. Это была пожилая старейшина, видимо, из местной секты. Она сидела в ложе неподалёку, и её лицо светилось торжеством. Она победила. Она получила то, что хотела.

Остальные женщины смотрели на неё с завистью и ненавистью. Некоторые рвали на себе волосы. Некоторые плакали. Некоторые просто сидели, глядя в пустоту.

«Безумие, — подумал я. — Чистое безумие.»

Но аукцион продолжался.

Пока зал приходил в себя, служители вынесли следующий лот. Я узнал его сразу — небольшой сундук, обитый кожей, с выжженным на крышке знаком. Мой знак. Мои ядра.

— Семь ядер зверей шестого уровня, — произнёс управляющий, и его голос снова стал спокойным, деловым. — Добыты в Серединном море. Отличное качество. Подходят для создания артефактов, пилюль и формаций. Начальная цена — пятьдесят продвинутых камней.

Зал загудел снова. Но на этот раз это был другой гул. Более серьёзный. Более деловой.

Я видел, как мужчины в зале — практики, мастера, военные — вскочили с мест. Они не кричали, не размахивали руками. Они просто поднимали таблички, и их лица были сосредоточенными.

— Шестьдесят!

— Семьдесят!

— Восемьдесят!

Цена росла быстро, но без истерики. Это была настоящая торговля. Люди знали цену ядрам. Знали, сколько они стоят. Знали, что могут из них сделать.

— Сто!

— Сто двадцать!

— Сто пятьдесят!

— Двести!

Я сидел и смотрел, как цена поднимается всё выше. Мои ядра. Моя добыча. Моя работа. И теперь они превращались в деньги. В силу. В будущее.

— Триста!

— Четыреста!

— Пятьсот!

Цена дошла до пятисот сорока. Я видел, как некоторые практики опускают таблички. Они не могли себе позволить такую цену. Другие продолжали торговаться.

— Пятьсот пятьдесят!

— Пятьсот шестьдесят!

— Пятьсот семьдесят!

— Шестьсот!

— Шестьсот тридцать!

И тут встал старейшина. Он был старым, очень старым. Седые волосы, длинная борода, белые одежды с вышитыми лотосами. Я узнал его сразу: старейшина секты Белого Лотоса. Тот самый, что был на турнире. Тот самый, что купил ядро седьмого уровня.

Он поднял руку.

— Шестьсот сорок.

Зал замолчал. Никто не стал спорить. Никто не посмел.

Молоток опустился.

— Продано.

Я медленно выдохнул.

Шестьсот сорок продвинутых камней. Шестьдесят четыре тысячи малых. За семь ядер шестого уровня. Это было... это было больше, чем я ожидал. Намного больше.

«Вот откуда у них такие деньги, — подумал я. — Вот откуда. Они не тратят их на пилюли красоты. Они тратят их на силу. На ядра. На то, что делает их сильнее.»

Я посмотрел на старейшину. Он сидел спокойно, и его лицо было довольным. Он знал, что сделал выгодную покупку. Он знал, что эти ядра принесут ему больше, чем он за них заплатил.

«Умный, — подумал я. — Очень умный.»

Аукцион продолжался. Но для меня он уже закончился. Я получил свои деньги. Я получил то, за чем пришёл. Остальное было неважно.

Я сидел и смотрел, как уходят последние лоты. Как люди покупают травы, артефакты, пилюли. Как военные скупают всё, что может пригодиться на войне. Как богачи тратят состояния на вещи, которые им не нужны.

И я думал.

Я думал о том, что война приближается. Что она изменит всё. Что она может убить меня, если я не буду готов. И что теперь у меня есть деньги, чтобы подготовиться.

Наконец аукцион закончился. Управляющий объявил последний лот, молоток опустился в последний раз, и зал начал пустеть. Люди вставали с мест, потягивались, переговаривались. Кто-то радовался покупкам. Кто-то проклинал свою бедность.

Я спустился вниз, отдал маску и подошёл к управляющему.

Он пересчитал камни и протянул мне сумку.

— Ваша доля, — сказал он. — За вычетом десяти процентов комиссии: пятьсот семьдесят шесть продвинутых камней душ.

Я взял сумку. Она была тяжёлой. Тёплой. Я чувствовал камни сквозь ткань, и их вес был приятным. Приятным и очень реальным.

— Благодарю, — сказал я.

Он кивнул и отвернулся. Я вышел из зала.

После аукциона:

На улице было прохладно. Солнце уже клонилось к западу, и тени становились длиннее. Я шёл по улицам Небесного Озера, и в сумке у меня лежало состояние.

Пятьсот семьдесят шесть продвинутых камней. Плюс те сто тридцать, что были раньше. Плюс сто пятьдесят шесть малых. Итого — семьсот шесть продвинутых и сто пятьдесят шесть малых.

Для меня это были огромные деньги. Огромные. Я мог купить на них почти всё, что угодно. Мог заказать новые мечи. Мог купить редкие травы. Мог снять лучшую комнату в лучшем доме города и медитировать там год, не думая ни о чём.

Но я знал, что не буду этого делать. Деньги были не для того, чтобы их тратить. Они были для того, чтобы стать сильнее. А для этого мне нужно было вернуться в секту.

Я вернулся к себе в усадьбу, поел, выспался. Утром следующего дня я собрал вещи, проверил сумку и вышел из города.

У ворот я остановился, посмотрел на небо. Оно было чистым, глубоким, и первые лучи солнца золотили крыши домов. Где-то далеко, за морем, ждала война. Но пока — пока я летел домой.

Дорога домой:

Я поднялся в воздух на мече. Так было безопаснее. Так было незаметнее. Бродяга на мече — обычное дело. Бродяга на диске — нужно отнять немедленно.

Но когда город скрылся за горизонтом, я переоделся. Снял старые одежды, достал из сумки синюю форму ученика секты Парящих Журавлей. Она была чистой, выглаженной, и когда я надел её, то почувствовал себя... собой. Тем, кем я был. Тем, кем я хотел быть.

Потом я достал диск. Восемь продвинутых камней уже были на месте, и их свет был ровным, спокойным. Я встал на диск, направил в него ци, и он поднялся в воздух.

Я летел быстро. Очень быстро. Теперь я мог себе это позволить. Восемь камней раз в три дня — это была роскошь, которую я мог себе позволить. И я наслаждался каждым мгновением.

Ветер бил в лицо, и я смеялся. Горы внизу проносились, как волны застывшего моря. Реки вспыхивали серебром и исчезали позади. Леса сливались в зелёные полосы. Я летел домой.

И пока я летел, я думал.

Я думал о том, что теперь у меня есть деньги. Настоящие деньги. Я мог купить новые мечи. Мог купить травы для пилюль. Мог купить всё, что нужно для прорыва на высокий уровень Ядра.

Я думал о войне. О том, что она приближается. О том, что она может убить меня, если я не буду готов. И о том, что теперь у меня есть шанс подготовиться.

Я думал о старейшинах. О том, что они будут ждать меня. О том, что они захотят знать, где я был, что делал, почему так долго. И о том, что я им скажу.

«Я скажу им, что путешествовал, — решил я. — Что искал ресурсы. Что готовился к войне. Это будет правдой. Не всей правдой, но достаточно.»

Я думал о Лань Сюэ. О её словах. О том, что она предупредила меня о войне. О том, что она ждёт от меня силы. О том, что она будет разочарована, если я не оправдаю её надежд.

«Я не разочарую, — подумал я. — Я стану сильнее. Намного сильнее. И тогда... тогда я посмотрю, кто посмеет встать у меня на пути.»

Впереди показались знакомые пики. Секта Парящих Журавлей. Белые пагоды, мосты, облака, обвивающие вершины. Над горами кружили журавли, и их крики падали в долину вместе с эхом.

Я сбавил скорость и опустился ниже, к самой земле. Диск убрал в сумку. Меч достал — не для боя, а для полёта. Так было привычнее. Так было незаметнее.

Я летел к своей пещере и думал о том, что скажу старейшинам. О том, как скрою, что уже прорвался на Ядро. О том, как выторгую лучшие условия. И о том, что война, о которой говорили в городе, рано или поздно доберётся и сюда.

Но я буду к ней готов.

Я опустился у входа в пещеру, провёл ладонью по камню и активировал защитные печати. Только когда последняя печать сомкнулась, я позволил себе выдохнуть.

Внутри было прохладно и спокойно. Свет нефритовых светильников дрожал на стенах. Воздух здесь был густым от духовной энергии: она поднималась из глубин горы тонкими нитями, стекала по влажному камню, собиралась в чаше родника и снова уходила вверх.

Я сел на привычную каменную площадку, положил меч на колени и долго слушал гору.

Потом посмотрел внутрь себя.

Золотое ядро.

Оно вращалось во мне медленно, тяжело, сияя глубоким золотым светом. Ещё недавно я был практиком высокого уровня Основы — и уже этим мог гордиться. Теперь же я перешёл рубеж, о котором мечтают все ученики. Но в мире больших сект средний уровень Золотого Ядра был лишь началом пути. Достаточным, чтобы уважали. Недостаточным, чтобы позволили жить так, как хочу я.

— Пора становиться старейшиной, — произнёс я вслух.

Дух возник рядом, полупрозрачный, в старом облачении, с лицом человека, который слишком долго наблюдал за миром.

— Ты уверен? — спросил он. — Старейшина — это не только сила. Это ответственность. Это работа. Ты будешь тратить время на чужие дела вместо своих.

— Я знаю, — ответил я. — Но у меня нет выбора. Если я не стану старейшиной, меня будут гонять, как ученика. Если стану — получу доступ к ресурсам. К келье с лучшей ци. К техникам. К травам. К пилюлям. И тогда я смогу расти быстрее.

— А если тебя раскроют? Если узнают, что ты уже на среднем уровне Ядра?

— Тогда я скажу, что скрывал это, потому что не хотел лишнего внимания. Это будет правдой. И это будет разумно.

Дух помолчал. Потом усмехнулся.

— Ты всё продумал, — сказал он. — Как всегда.

— Я слишком долго жил, чтобы не продумывать.

Я встал и подошёл к широкому отверстию пещеры. За защитным полем открывался мир.

Внизу лежала долина, залитая вечерним светом. Река вилась среди полей, отражая небо. Леса дышали туманом. Над дальними хребтами поднимались облака — белые, тяжёлые, медленные, как корабли без парусов.

— Если станешь старейшиной, — тихо сказал дух, — секта даст тебе опору. Но заберёт твоё время.

— Если скроюсь, — ответил я, — время останется у меня. Но опоры не будет.

Мы оба засмеялись, так как уже говорили об этом.

— Ну раз выбрал, чего тянуть лямку, давай впереди и с пафосом!

Я долго смотрел на облака.

— А ведь ты прав, пафос наше все. Если уж и быть старейшиной, то максимально эффектно.

— Я не хочу быть чьим-то старейшиной раньше времени, — сказал я наконец. — Но и не хочу остаться нищим отшельником, который прячется от собственного прорыва.

Дух молчал.

— Значит, — продолжил я, — включаем эффекты и летим к старейшине!

В темнеющем небе мелькнули первые звёзды. Я вернулся к центру пещеры, сел и закрыл глаза. Ци потекла ко мне из камня, из воздуха, из древней глубины горы. Золотое ядро медленно засияло ярче.

Завтра я пойду к старейшинам. Завтра я скажу им, что готов стать старейшиной. И завтра я начну новую главу своей жизни. А пока — пока я сидел в тишине своей пещеры и слушал, как гора дышит вместе со мной.

Глава десятая. Новый старейшина секты Парящих Журавлей

Старейшина:

Утро началось с тишины.

Я сидел в центре своей пещеры, скрестив ноги, и слушал, как гора дышит вместе со мной. Ци текла по меридианам ровным, спокойным потоком, и золотое ядро в глубине даньтяня тихо пульсировало, требуя энергии. Оно было голодным. Всегда голодным. Но сегодня я собирался накормить его не медитацией, а властью.

Я открыл глаза.

За входом в пещеру занимался рассвет. Небо было чистым, глубоким, и первые лучи солнца золотили снежные шапки дальних вершин. Где-то внизу, в долине, просыпалась секта — слышались голоса, звон колокольчиков, крики журавлей. Обычное утро. Обычный день.

Но не для меня.

Сегодня я собирался стать старейшиной.

Я встал, потянулся, размял затёкшие плечи. Тело было лёгким, наполненным силой. Ци шла по меридианам ровно, без рывков, и я чувствовал себя готовым. Готовым ко всему.

Я подошёл к нише, где лежала моя одежда. Синяя форма ученика секты Парящих Журавлей. Чистая, выглаженная, с вышитым белым журавлём на груди. Я надел её, и ткань легла идеально, как вторая кожа.

Потом я посмотрел на себя в чистую воду.

Молодой. Красивый. Сильный. На низком уровне Ядра — для всех, кто мог видеть на среднем, а по факту уже на высоком — для себя.

«Хорош, — подумал я. — Очень хорош.»

Я улыбнулся своему отражению. Улыбка была спокойной, уверенной, почти высокомерной. Именно такой, какая нужна была сегодня.

Пора было выходить.

Я активировал печати, вышел из пещеры и поднялся в воздух. Меч выскользнул из сумки, лёг под ноги, и я полетел к пагоде старейшины Лань Сюэ. Ветер бил в лицо, трепал волосы, и я чувствовал, как внутри поднимается странное, почти забытое чувство. Предвкушение. Не боя, не тревоги, а именно предвкушения. Как перед боем, когда знаешь, что победишь.

Я летел быстро, но не спешил. Мне нужно было время, чтобы настроиться. Чтобы вспомнить, как это делается. Как ведёт себя тот, кто стоит выше других. Тот, кто не просит, а требует. Тот, кто не лебезит, а диктует.

В прошлой жизни я был таким. Великим старейшиной, а потом и предком. Сидел в высоком зале, слушал доклады, решал чужие судьбы. Я забыл, каково это — быть внизу. Забыл, каково это — просить. Забыл, каково это — ждать, пока кто-то другой решит твою судьбу.

Но я вспомнил. За эти месяцы я вспомнил всё. И теперь я собирался вернуть то, что принадлежало мне по праву.

Пагода Лань Сюэ показалась впереди. Она стояла на широком уступе, окружённая старыми соснами, и её изогнутые крыши блестели в утреннем свете. Я опустился у входа и постучал.

Дверь открылась почти сразу.

Лань Сюэ стояла на пороге. Она была в светло-синем одеянии, расшитом тонкими серебряными нитями, и её волосы были собраны в аккуратный узел. Она выглядела так же, как всегда — спокойной, собранной, величественной.

А потом она увидела меня.

Её глаза расширились. Буквально. Я видел, как зрачки расширяются, как брови ползут вверх, как рот приоткрывается. Она смотрела на меня, и на её лице было написано что-то, чего я никогда раньше не видел. Изумление. Настоящее, искреннее изумление.

— Вэй Кан? — прошептала она.

— Старейшина, — сказал я, кланяясь. — Доброе утро.

Она не ответила. Она продолжала смотреть на меня, и её глаза становились всё шире. Потом она покачнулась. Едва заметно, но я увидел. Она покачнулась, как будто у неё закружилась голова.

— Ты... — начала она, и её голос сорвался. — Ты... на Ядре?

Я выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза.

— Да, старейшина. Низкий уровень Ядра. Прорвался недавно.

Она продолжала смотреть на меня. Потом медленно, очень медленно, подняла руку и коснулась своего лба. Как будто проверяла, не снится ли ей это.

— Низкий уровень Ядра, — повторила она. — Ты... ты прорвался на Ядро. За... за сколько? За полгода? Меньше?

— Меньше, старейшина.

Она молчала. Долго. Очень долго. Я видел, как в её глазах сменяются эмоции — изумление, недоверие, радость, снова недоверие. Она открывала рот, чтобы что-то сказать, и снова закрывала. Как рыба, выброшенная на берег.

— Я.… — начала она, и снова замолчала. Потом глубоко вдохнула, выдохнула и выпрямилась. — Я.… я не ожидала. Честно. Я знала, что ты способный. Знала, что ты быстро растёшь. Но это... это...

Она покачала головой, и на её лице наконец появилась улыбка. Настоящая, широкая, счастливая.

— Это невероятно, Вэй Кан. Просто невероятно. Я.… я горжусь тобой.

Я поклонился.

— Благодарю, старейшина. Я старался.

— Старался он, — она усмехнулась, и в её голосе появилась знакомая насмешка. — Старался. Полгода. Полгода, Вэй Кан. Некоторые ученики тратят на это десятилетия. А ты... ты просто «старался».

Она снова покачала головой, но на этот раз в её глазах было что-то ещё. Что-то, похожее на благоговение.

— Я должна сообщить старейшинам, — сказала она, и её голос стал деловым. — Немедленно. Такое событие нельзя откладывать. Я полечу к ним сейчас же. А ты... ты жди меня на площади. На главной площади. Я объявлю о тебе, и они захотят тебя увидеть.

— Хорошо, старейшина.

Она кивнула и шагнула в воздух. Её меч вылетел из ножен, и она взмыла вверх, к вершинам, где стояли пагоды старейшин. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась в облаках.

Потом я спустился на площадь.

Площадь Девяти Журавлей:

Площадь была пуста.

Утренний свет заливал каменные плиты, и тени от девяти статуй журавлей лежали длинными полосами. Где-то вдали звенели колокольчики, и их звук был тонким, чистым, как горный ручей. Я ходил по площади, и мои шаги гулко отдавались в тишине.

Я думал.

Думал о том, что скажу старейшинам. О том, как буду себя вести. О том, что потребую. Я знал, что они захотят знать, где я был, что делал, как прорвался так быстро. Знал, что они будут задавать вопросы. Много вопросов. И я знал, что не собираюсь отвечать на все.

Я не собирался лебезить. Не собирался просить. Не собирался ждать, пока они решат мою судьбу. Я собирался диктовать. Потому что я был на Ядре. А они... они были стариками. Стариками с заплывшими жиром мозгами, которые последний раз сражались так давно, что уже не помнили, как это делается.

«Когда они последний раз держали меч? — думал я. — Когда последний раз чувствовали, как ци рвётся по меридианам, как кровь кипит в жилах, как смерть дышит в затылок? Они забыли. Они все забыли. Они сидят в своих пагодах, пьют чай, слушают доклады и думают, что они сильны. Но они не сильны. Они просто стары.»

Я улыбнулся. Улыбка была холодной.

«Сильнее меня здесь буквально пара человек. И то — если они вообще ещё способны драться. Остальные... остальные просто занимают места.»

Я ходил по площади, и мои мысли текли ровно, спокойно, как вода в глубокой реке. Я знал, что будет дальше. Знал, что они предложат мне место старейшины. Знал, что они захотят привязать меня к секте, сделать частью своей системы. И знал, что я соглашусь. Но на своих условиях.

Я остановился у статуи журавля и посмотрел на неё.

«Ты тоже когда-то был свободным, — подумал я. — Летал, где хотел. А теперь ты просто камень. Красивый, но камень. Я не хочу быть камнем. Я хочу быть птицей.»

И тут я услышал шаги.

Чжао Юнь:

Я обернулся.

По площади шла группа учеников. Молодые, самоуверенные, в синих формах секты. Они о чём-то переговаривались, смеялись, и их голоса гулко разносились в утренней тишине.

Я узнал их сразу.

Впереди шёл Чжао Юнь. Тот самый Чжао Юнь. Из рода Серебряного Облака. Средний уровень Основы. Тот, кто обзывал меня деревенщиной. Тот, кто выгонял меня из секты. Тот, кто смеялся надо мной, когда я только пришёл.

Он шёл, не замечая меня. Его друзья — четверо или пятеро молодых практиков — шли следом, и их лица были такими же самоуверенными, как у него. Они прошли мимо, и я стоял неподвижно, глядя на них.

Потом Чжао Юнь остановился.

Он остановился, как будто наткнулся на невидимую стену. Его голова медленно повернулась, и его глаза нашли меня.

Я видел, как его лицо меняется. Сначала — узнавание. Потом — удивление. Потом — что-то ещё. Что-то, чего я не ожидал.

Страх.

Его лицо побледнело. Буквально. Кровь отхлынула от щёк, и кожа стала серой, как пепел. Его глаза расширились, и в них появился ужас. Настоящий, животный ужас.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать. Наверное, очередную шпильку. Наверное, что-то про деревенщину. Но слова не вышли. Он стоял с открытым ртом, и из него не вырвалось ни звука.

Потом он начал дрожать.

Мелкая, частая дрожь. Как у человека, который попал под ледяной дождь. Я видел, как его руки трясутся, как колени подгибаются, как пот выступает на лбу. Он был мокрым. Весь. За несколько секунд он стал мокрым, как будто его окатили водой.

Его друзья заметили это.

— Чжао? — спросил один из них, тот, что стоял ближе всех. — Чжао, что с тобой?

Чжао Юнь не ответил. Он смотрел на меня, и его глаза становились всё шире, всё страшнее. Он не мог отвести взгляд. Как кролик перед змеёй.

— Чжао! — друг потряс его за плечо. — Ты чего?

Я сделал шаг вперёд.

Медленно. Спокойно. Я не спешил. Мне некуда было спешить.

Друзья Чжао Юня увидели, кто идёт. И их лица изменились. Я видел, как они бледнеют, как их глаза расширяются, как они отступают. Они отступили назад, все сразу, как стая испуганных птиц. Они отошли в сторону, и встали в отдалении, и их лица были белыми, как снег.

Я подошёл к Чжао Юню.

Он стоял неподвижно. Его глаза были опущены вниз, на каменные плиты. Он не решался смотреть на меня. Он не решался даже дышать.

Я остановился в шаге от него. Молчал.

Я просто стоял и смотрел на него. Сверху вниз. Он был ниже меня. Не только по уровню. По всему. По тому, как он стоял, как он дрожал, как он боялся.

Я видел его мысли. Видел, как они мечутся в его голове, как он пытается найти выход, как он понимает, что выхода нет. Я мог убить его. Прямо здесь. Прямо сейчас. И никто бы не сказал ни слова. Никто из его рода не стал бы со мной ссориться. Никто из секты не стал бы меня наказывать.

Вот что такое золотое ядро. Ещё не сила. Но уже уважение. Уже власть. Уже страх.

Я видел, как он это понимает. Видел, как его колени подгибаются, как его дыхание становится частым, как пот течёт по лицу. Ещё немного, и он упадёт. Просто упадёт в обморок от страха.

Я молчал.

Я стоял и смотрел на него, и молчание было тяжелее любых слов. Оно давило на него, как каменная плита, как вода на дне океана. Я видел, как он сжимается, как он становится меньше, как его самоуверенность испаряется, как дым на ветру.

Прошло мгновение. Два. Три.

Я видел, как его друзья переглядываются. Как они отступают ещё дальше. Как они готовы убежать. Они не хотели быть рядом. Не хотели быть частью этого. Не хотели быть следующими.

Потом я заговорил.

— Чжао Юнь.

Мой голос был спокойным. Ровным. Тихим. Но он прозвучал в тишине, как удар грома. Чжао Юнь вздрогнул. Его голова дёрнулась, но он не поднял глаза.

— Да, — прошептал он. — Да... господин.

Господин. Он назвал меня господином. Я усмехнулся про себя. Ещё вчера он называл меня деревенщиной. А сегодня — господин.

— Ты молодец, — сказал я. — Средний уровень Основы. Секта гордится тобой.

Он вздрогнул снова. Его глаза наконец поднялись, и я увидел в них недоумение. Он не ожидал этого. Не ожидал похвалы.

— Я.… — начал он, и его голос сорвался. — Я.… я старался, господин.

— Вижу, — сказал я. — Но на будущее...

Я сделал паузу. Долгую. Он смотрел на меня, и в его глазах был страх. Настоящий, глубокий, животный страх.

— Не стоит больше путать свою наглость с силой, — сказал я, и мой голос стал холодным. — Иначе я могу вспомнить пару моментов. Пару моментов, которые ты, возможно, забыл. Но я — помню.

Он отмер. Я видел, как жизнь возвращается в его тело. Как дрожь стихает, как дыхание становится ровнее. Он понял. Понял, что я не собираюсь его убивать. Понял, что у него есть шанс.

— Я.… я понял, господин, — сказал он, и его голос был твёрже. — Я всё понял. Я больше... я больше не буду. Я и близко не подойду. Я даже голос не повышу. Я.… я теперь паинька. Самый ответственный ученик секты. Я клянусь.

Я смотрел на него. На его лицо. На его глаза. На его страх. И я видел, что он не врёт. Он действительно понял. Понял, что я могу его уничтожить. Понял, что я сильнее. Понял, что его место — внизу.

— Рад слышать, — сказал я. — Иди.

Он не заставил себя ждать. Он поклонился — быстро, низко, почти до земли — и пошёл прочь. Его друзья бросились за ним, и их лица были белыми, как мел. Они уходили, и я видел, как они оглядываются, как они боятся, что я передумаю.

Я не передумал. Мне не нужно было показывать силу. Она уже давила на них. Они и так еле стояли на ногах. Ещё немного, и они бы упали.

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Потом отвернулся и пошёл дальше.

Встреча со старейшинами:

Я не успел пройти и двадцати шагов, как сверху спустилась Лань Сюэ.

Она приземлилась легко, как птица, и её лицо было взволнованным.

— Вэй Кан развлекаешься, — сказала она с улыбкой. — Старейшины ждут. Идём.

Я кивнул.

Мы поднялись в воздух. Я летел на мече, она — на своём, и мы поднимались всё выше, к самым вершинам, где стояли пагоды старейшин. Ветер становился холоднее, воздух — тоньше, и ци вокруг была такой густой, что её можно было пить.

Я летел и думал.

«Они будут задавать вопросы, — думал я. — Много вопросов. Откуда такая скорость? Где я был? Что нашёл? Они захотят знать всё. Они захотят контролировать меня. Они захотят привязать меня к секте.»

Я улыбнулся.

«Пусть попробуют.»

Я летел с пафосом. С высоко поднятой головой. С прямой спиной. Я не собирался лебезить. Не собирался просить. Не собирался ждать, пока они решат мою судьбу.

Я был на среднем уровне Ядра. А по факту — уже на высоком. И они об этом не знали. Они думали, что я только что прорвался. Что я слаб. Что меня можно контролировать.

Они ошибались.

«Сильнее меня здесь буквально пара человек, — думал я. — И то — если они вообще ещё способны драться. Старики. С заплывшими мозгами. С жиром вместо мышц. Когда они последний раз сражались? Помнят хоть? Вряд ли. Они сидят в своих пагодах, пьют чай, слушают доклады. Они забыли, что такое бой. А я — помню. Я помню всё.»

Мы опустились у большой пагоды на самой высокой вершине. Она была огромной, с высокими сводами и резными колоннами, и её крыша терялась в облаках. У входа стояли двое стражей — высокий уровень Основы, — и они поклонились, когда мы прошли мимо.

Внутри было прохладно и тихо. Пахло сандалом и старой бумагой. Мы прошли по длинному коридору, и я чувствовал, как ци становится всё гуще, всё тяжелее. Здесь, на вершине, она была такой плотной, что её можно было резать ножом.

Наконец мы вошли в большой зал.

Зал старейшин:

Зал был круглым, с высоким куполом, и в центре его стоял огромный стол. Стол был накрыт — не для еды, а для встречи. На нём стояли чайники, чашки, какие-то свитки, нефритовые таблички. И вокруг стола сидели старейшины.

Их было восемь. Плюс Лань Сюэ, которая вошла вместе со мной. Девять.

Я оглядел их.

Некоторые были старыми. Очень старыми. Некоторые были в возрасте, с седыми волосами, и морщинистыми лицами, с длинными бородами. Они сидели в креслах с высокими спинками, и их ауры были тяжёлыми, глубокими, как дно горного озера.

Я чувствовал их уровни.

Большинство были на среднем уровне Ядра. Двое — на высоком. Но я чувствовал и другое. Слабость. Их ци была густой, но не живой. Она не двигалась, не пульсировала, не рвалась вперёд. Она просто была. Как стоячая вода. Как старое вино, которое слишком долго стояло в закрытом сосуде.

«Они забыли, — подумал я. — Они все забыли. Они думают, что сила — это уровень. Но сила — это не уровень. Сила — это движение. Это жизнь. А они... они мертвы. Они просто ещё не знают об этом.»

Я оглядел зал.

По центру, напротив стола, стояли два свободных кресла. Одно было для Лань Сюэ. Второе... второе было пустым. Место десятого старейшины. Оно пустовало уже давно, и его никто не занимал. Пока.

«Вот оно, — подумал я. — Вот моё место. Они хотят отдать его мне. Хотят привязать меня к секте. Сделать частью системы.»

Я не стал садиться. Я стоял.

Старейшины смотрели на меня. Их глаза были разными — у кого-то любопытными, у кого-то настороженными, у кого-то холодными. Но все они смотрели на меня. И все они ждали.

Первым заговорил старейшина, сидевший в центре. Он был самым старым — седые волосы до пояса, лицо, покрытое морщинами, как старая карта. Его аура была самой тяжёлой. Пик высокого уровня Ядра.

— Вэй Кан, — сказал он. Его голос был скрипучим, как старое дерево. — Мы слышали о твоём прорыве. Это... неожиданно.

Я не поклонился. Не стал лебезить.

— Неожиданно, — повторил я. — Для вас — возможно. Для меня — нет.

По залу прокатился шёпот. Старейшины переглянулись. Кто-то нахмурился. Кто-то поднял бровь.

— Ты... — начал старейшина, но я перебил его.

— Я прорвался на Ядро, — сказал я, и мой голос был ровным, спокойным, но твёрдым. — За полгода. С высокого уровня Основы до низкого уровня Ядра. Это рекорд. Это то, чего не добивался никто в этой секте за последнюю тысячу лет. И я не собираюсь извиняться за это.

Тишина.

Старейшины смотрели на меня, и их лица были разными. Кто-то был шокирован. Кто-то — впечатлён. Кто-то — зол.

— Ты дерзок, — сказал старейшина, сидевший справа. Он был моложе остальных — лет сорока на вид, — и его аура была острой, как клинок. Высокий уровень Ядра. — Для ученика, который только что прорвался, ты слишком много себе позволяешь.

Я посмотрел на него.

— Я не ученик, — сказал я. — Я старейшина. Или вы забыли, зачем я здесь?

Он открыл рот, чтобы ответить, но я не дал ему.

— Я прорвался на Ядро, — продолжил я. — Я сильнее большинства из вас. Я моложе. Я быстрее. Я знаю техники, о которых вы только слышали. И я не собираюсь тратить время на игры в вежливость. Вы хотите, чтобы я стал старейшиной. Я хочу этого тоже. Но на своих условиях!

Зал замер.

Я видел, как старейшины переглядываются. Как они оценивают меня. Как они взвешивают. Я видел страх в глазах некоторых из них. И уважение. И злость.

— Какие еще условия, ты радуйся, что мы тебя вообще сюда пригласили? — сказал старейшина в центре. Его голос был спокойным, но я чувствовал напряжение в его ци.

— Во-первых, — не стал я его дослушивать, — я хочу келью на самом высоком пике. Там, где ци самая густая. Там, где я смогу расти быстрее.

— У нас есть свободные кельи, — сказал старейшина. — Но не на самом пике. Ты не достоин.

— Тогда освободите одну, — сказал я. — Мне всё равно, кого вы оттуда выселите. Мне нужна келья.

Тишина.

— Во-вторых, — продолжил я, — я хочу доступ к закрытым техникам. Ко всем. Не только к тем, что доступны старейшинам. Ко всем.

— Это... — начал старейшина справа, но я снова перебил его.

— Это моё условие. Я не собираюсь тратить годы на то, что могу изучить за месяцы. Дайте мне доступ, и я стану сильнее. А сильный старейшина — это сильная секта. Вы же этого хотите?

Они молчали. Я видел, как они думают. Как они взвешивают. Как они решают.

— И, в-третьих, — сказал я. — Я хочу свободу. Я не собираюсь сидеть в секте круглые сутки. Я буду уходить. Буду путешествовать. Буду искать ресурсы. И вы не будете меня останавливать.

— Это... — старейшина в центре покачал головой. — Это слишком. Ты просишь слишком много. Невозможно!

— Я не прошу, — сказал я. — Я требую. Потому что я сильнее, чем вы думаете. И потому что вы нужны мне не меньше, чем я вам. Вы хотите, чтобы я стал старейшиной. Хотите, чтобы я был частью секты. Хотите, чтобы я приносил ей славу. Но я не стану частью системы, которая меня не уважает. Я не стану пешкой в ваших играх. Я стану старейшиной. Но на своих условиях!

Зал замер.

Я видел, как старейшины смотрят на меня. Как их глаза расширяются. Как их лица меняются. Кто-то был зол. Кто-то — впечатлён. Кто-то — испуган.

Лань Сюэ смотрела на меня, и в её глазах было что-то, чего я не ожидал. Гордость. Настоящая, глубокая гордость, она единственная смотрела на меня с гордостью.

— Уважаемые старейшины, — сказала Лань Сюэ спокойно, — если вы помните, именно Вэй Кан на уровне Основы, сразился с драконом и выжил, забрав у него кровь, которую он охранял. А многие из вас смогли бы так же?

Вот в этот момент я, конечно, знатно присел. Моя импровизация в пещере похоже дала сбой и про меня знали. Надо же…Но откуда, кто видел, кто мог сказать.

— Ты понимаешь, что мы можем просто отказать? — спросил старейшина в центре долго думая.

— Понимаю, — сказал я. — Но вы не откажете.

— Почему?

— Потому что вы стары, — сказал я, и мой голос был холодным. — Вы стары, и вы слабы. Вы сидите в своих пагодах, пьёте чай, слушаете доклады. Вы забыли, что такое бой. Вы забыли, что такое риск. Вы забыли, что такое сила. А я — помню. И если вы откажете, я уйду. Я уйду из секты. И тогда вы потеряете не просто ученика. Вы потеряете того, кто мог бы стать вашей опорой. Того, кто мог бы защитить вас, когда придёт война. Того, кто мог бы сделать секту сильнее.

Я сделал паузу.

— А война придёт, — сказал я. — Вы это знаете. Секта Теней Ветра уже собирает силы. Они идут на острова Трёх Лун. И скоро они придут сюда. И тогда вам понадобятся сильные практики. Сильные старейшины. А у вас их нет. У вас есть только старики, которые уже не могут драться.

Тишина.

Я видел, как старейшины переглядываются. Как их лица меняются. Как страх проникает в их глаза. Они знали, что я прав. Знали, что война приближается. Знали, что им нужны сильные бойцы.

— Ты... — старейшина в центре покачал головой. — Ты слишком самоуверен, сказал он, сжимая кулаки.

— Я реалист, — сказал я. — И я предлагаю вам сделку. Вы даёте мне то, что я прошу. Я становлюсь старейшиной. Я расту. Я становлюсь сильнее. И когда придёт война, я буду защищать секту. Не потому, что я добрый. А потому, что это моя секта. Моё место. Моя сила.

Зал молчал.

Я видел, как старейшины думают. Как они взвешивают. Как они решают. И я знал, что они согласятся. Потому что у них не было выбора. Потому что я был прав. Потому что они были стары, и слабы, и напуганы.

Наконец старейшина в центре поднял голову. Его глаза были усталыми, но в них было что-то новое. Что-то, похожее на уважение.

— Хорошо, победи меня в схватке, раз ты такой сильный — сказал он. — и мы согласимся.

Я кивнул.

— Согласен, готовьте объявление, я скоро стану старейшиной.

Лань Сюэ улыбнулась. Старейшины переглянулись. Кто-то вздохнул с облегчением. Кто-то нахмурился. Но все они знали, что это было правильное решение, бой расставит все по местам.

Бой:

Старейшина в центре — тот самый, с седыми волосами до пояса и лицом, покрытым морщинами, как старая карга, — поднял руку. Зал затих.

— Я — Мин Лао. Самый старый старейшина этой секты. Пик высокого уровня Ядра. Я сижу здесь дольше, чем ты живёшь. И если ты хочешь занять место рядом со мной, ты должен победить меня.

Я смотрел на него. На его морщины. На его седые волосы. На его глаза, которые были старыми, усталыми, но всё ещё острыми, как клинки.

— Хорошо, — сказал я. — Я согласен.

По залу прокатился шёпот. Старейшины переглянулись. Кто-то улыбнулся. Кто-то нахмурился. Лань Сюэ смотрела на меня, и в её глазах было беспокойство.

— Но есть одно условие, — сказал Мин Лао, и его голос стал жёстче. — Если ты победишь — ты сядешь в это кресло. На своих условиях. Мы не будем тебе мешать. Но если ты проиграешь... — он сделал паузу, и его глаза блеснули. — Если ты проиграешь, ты будешь у нас на побегушках. Два года. Безоговорочно. Ты будешь выполнять любые наши приказы. Любые. Пока твоё самомнение не удастся укротить.

Я смотрел на него. На его уверенность. На его самоуверенность. Он думал, что победит. Он думал, что старый опыт сильнее молодой силы. Он думал, что я — просто мальчишка, который слишком быстро прорвался и возомнил о себе невесть что.

Он ошибался.

— Я согласен, — сказал я, и мой голос был ровным, спокойным, но твёрдым. — Два года. Безоговорочно. Если я проиграю.

Мин Лао кивнул.

— Тогда начнём.

Площадь:

Мы вышли на площадь.

Она была пуста — старейшины позаботились об этом. Девять статуй журавлей стояли по краям, и их каменные глаза смотрели на нас. Ветер шевелил траву между плитами, и где-то далеко кричали журавли.

Старейшины встали в круг. Лань Сюэ стояла ближе всех, и её лицо было бледным. Она хотела что-то сказать, но не решалась.

Мин Лао вышел в центр. Он был старым, очень старым. Его тело было худым, высохшим, как старое дерево. Но когда он двигался, в его движениях была та плавность, которая приходит только с годами. Та экономия движений, которая говорит о тысячах часов тренировок.

Я вышел напротив него.

— Последний раз, — сказал Мин Лао, и его голос был спокойным. — Ты можешь отказаться. Признать поражение. Стать нашим слугой на два года. Это не позор. Это разумно.

Я усмехнулся.

— Я не привык отказываться, — сказал я. — И я не привык проигрывать.

— Тогда начнём.

Мин Лао поднял руку. В воздухе появился меч — длинный, тонкий, с клинком, отливавшим серебром. Он не был артефактом. Просто хороший меч. Простой. Надёжный.

Я достал свой.

Лунный Клинок вышел из сумки с тихим звоном. Голубовато-золотое сияние скользнуло по лезвию, и я почувствовал, как Юэ Хань просыпается внутри клинка.

— Наконец-то, — сказал он. — Настоящий бой.

— Не настоящий, — ответил я мысленно. — Показательный. Но достаточно серьёзный.

— Для него — настоящий, — сказал Юэ Хань. — Он думает, что победит.

— Пусть думает.

Мин Лао атаковал первым.

Бой:

Его меч рассёк воздух с тихим свистом. Быстро. Точнее, чем я ожидал. Он был старым, но его тело помнило. Помнило движения, которые он отрабатывал тысячи раз. Помнило, как нужно бить, чтобы попасть.

Я ушёл в сторону. Его клинок прошёл в волоске от моего плеча. Я ответил — коротко, точно, своим мечом. Он блокировал. Наши клинки столкнулись, и по площади прокатился звон.

— Неплохо, — сказал Мин Лао. — Для мальчишки.

— Неплохо, — ответил я. — Для старикашки.

Он улыбнулся. Улыбка была холодной.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда я покажу тебе свои техники.

Он отступил на шаг и поднял меч. Ци вокруг него вспыхнула. Я почувствовал, как его аура меняется. Становится плотнее. Тяжелее.

— **«Клинок Осеннего Листа»**, — произнёс он.

Его меч описал широкую дугу. Воздух перед ним дрогнул, и из клинка вырвалась волна ци — не широкая, а тонкая, как лезвие. Она летела ко мне, и в ней была сила, которая могла разрубить камень.

Я уклонился. Волна прошла мимо, ударила в статую журавля, и на камне осталась глубокая борозда.

«Неплохо, — подумал я. — Очень неплохо. Он не просто старик. Он действительно умеет драться.»

Я послал вперёд три меча. Они вылетели из сумки, и их лезвия светились голубым. Они атаковали с разных сторон, и Мин Лао отбил их — быстро, точно, с той экономией движений, которая говорит о настоящем мастерстве.

— Мечи, — сказал он, и в его голосе было удивление. — Ты умеешь управлять мечами.

— Умею.

— Интересно. — Он отбил ещё два меча. — Но этого мало.

Он снова поднял руку.

— **«Река, Разрезающая Гору»**.

Его ци вспыхнула ярче. Меч описал сложную фигуру — не дугу, а именно фигуру, похожую на иероглиф. И из этой фигуры вырвалась волна — широкая, мощная, как река в половодье.

Я ушёл вверх. Волна прошла подо мной, ударила в землю, и каменные плиты треснули. Я ответил — послал вперёд пять мечей. Они атаковали одновременно, с разных углов, и Мин Лао отбил их всех. Но я видел, что ему было трудно. Его дыхание стало чаще. Его движения — чуть медленнее.

«Он устаёт, — подумал я. — Он стар. Его тело не такое, как раньше. Он может показать технику, но не может её удержать.»

Я не стал ждать. Я послал вперёд ещё пять мечей. И ещё пять. И ещё два. Семнадцать клинков кружили вокруг него, и их лезвия светились голубым. Он отбивал их, уходил, блокировал. Но я видел, что он слабеет.

— **«Небесный Свод»**, — произнёс он, и его голос был хриплым.

Его меч описал круг. Вокруг него появился барьер — прозрачный, но прочный. Мои мечи ударили в него и отскочили.

«Хорошая техника, — подумал я. — Очень хорошая. Но он не может её долго держать.»

Я подождал. Секунду. Две. Три. Четыре. Барьер дрогнул. Мин Лао дышал тяжело. Его лицо было бледным. Он держался из последних сил.

И тогда я атаковал.

Я рванулся вперёд. Не мечами — сам. Меч в моей руке вспыхнул голубовато-золотым светом. Я сократил дистанцию в одно мгновение — быстрее, чем он ожидал. Быстрее, чем он мог среагировать.

Барьер треснул. Мин Лао попытался отступить, но я уже был рядом. Мой клинок остановился у его горла.

Тишина.

Мин Лао стоял неподвижно. Его глаза были широко открыты. В них было недоумение. Настоящее, искреннее недоумение. Он не понимал, что произошло. Он же так хорошо владел техниками. Он же готовился. Он же был самым старым, самым опытным, самым сильным.

А теперь мой меч был у его горла.

— Как... — прошептал он. — Как ты это сделал?

Я не убрал меч. Я смотрел на него, и мои глаза были холодными.

— Ты — книжный червь, — сказал я, и мой голос был спокойным. — Ты знаешь техники. Ты знаешь теорию. Ты можешь показать красивую форму. Но ты не отработал её. Ты не довёл её до конца. Ты слишком много пил чая и сидел в пагоде. Ты забыл, что такое настоящий бой.

Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не ожидал. Не злость. Не обида. А понимание. Он понял. Понял, что я прав.

— Ты... — начал он, но я перебил его.

— Я таких, как ты, называл книжными червями, — сказал я. — Теории много. Практика страдает. Ты не отработал свою теорию. Ты не довёл её до автоматизма. Ты просто знаешь, как надо. Но не умеешь.

Я убрал меч.

Мин Лао стоял неподвиж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.